Проф. гр. Л. А. Камаровскій.

ПО ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦІИ ЕВРОПЫ.

D 217

МОСКВА.
Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская улица, собствен. домъ.
1902.

Дозволено цензурою. Москва, 3 сентября 1902 г.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
2037
28

По вопросу о международной организаціи Европы.

Одна изъ идей, которая хотя медленно, но безспорно назрѣваетъ въ общественномъ сознаніи, это—великая идея о международной организаціи Европы. Долгое время считавшаяся за чистую утопію, которою будто бы могли заниматься одни приверженцы неосуществимаго на землѣ вѣчнаго мира, эта идея теперь стала предметомъ серьезныхъ научныхъ работъ и обсужденій на съѣздахъ; надъ нею задумываются, такъ или иначе, практическіе государственные дѣятели, конечно, уступая въ этомъ отношеніи напору серьезныхъ и неотразимыхъ жизненныхъ потребностей современнаго европейскаго общества.

Передъ нами любопытные документы, подтверждающіе нашу мысль. Въ числѣ многочисленныхъ конгрессовъ, бывшихъ въ 1900 г. въ Парижѣ, по случаю всемірной выставки, засѣдалъ и съѣздъ политическихъ наукъ, созванный стараніями Общества бывшихъ и настоящихъ учениковъ свободной школы политическихъ наукъ въ Парижѣ въ ознаменованіе недавно отпразднованнаго 25-лѣтія существованія этого Общества.

Недавно лишь вышли въ печати труды этого интереснаго съѣзда *), продолжавшагося съ 5 по 8 іюня и разсмотрѣвшаго такіе вопросы, какъ: Соединенные Штаты Европы; новыя теченія въ финансовомъ законодательствѣ Европы за послѣднее пятидесятилѣтіе, о способѣ управленія колоніями, объ устройствѣ и характерѣ преподаванія политическихъ наукъ.

Вопросы эти были выбраны сообразно съ предметами, преподаваемыми на отдѣленіяхъ названной школы. Порядокъ занятій установленъ заблаговременно, такъ что по каждому вопросу предлагалось представить одинъ общій докладъ, нѣсколько частныхъ докладовъ на темы, предварительно указанныя правленіемъ Общества учениковъ политической школы, и любое число записокъ (мемуаровъ). Этою программою преслѣдовалась двоякая цѣль: предоставить каждому полную свободу мнѣнія и не устранить отъ участія на съѣздѣ умы оригинальные; съ другой стороны,—забота о томъ, чтобы ничего важнаго изъ поставленныхъ вопросовъ не было обойдено и

*) „Congrès des sciences politiques de 1900“. Большой томъ въ 721 стр., 1901 г.

чтобы обсужденія на съѣздѣ имѣли извѣстную цѣльность и послѣдовательность. Рѣшенія же не принимались, по практикѣ многихъ собственно-научныхъ собраній.

Хотя съѣздъ былъ закрытый—на немъ участвовали только бывшіе и настоящіе преподаватели и ученики политической школы,—но онъ отличался многочисленностью и оживленіемъ. Самыя пренія носили характеръ научный, академическій.

I.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на вопросѣ объ европейской федераціи. Она составила предметъ общаго доклада Анатоля Леруа-Больё и четырехъ частныхъ докладовъ, посвященныхъ различнымъ сторонамъ этой проблемы. Достойно вниманія, что всѣ эти работы принадлежатъ перу юристовъ (или преподавателей права или адвокатовъ), выдвигаютъ на первый планъ жизненную необходимость европейской организаціи и вѣрятъ въ ея болѣе или менѣе отдаленную осуществимость за исключеніемъ одной записки (авторъ ея—Лефебюръ). Выводы этихъ авторовъ обсуждались въ засѣданіи 5 іюня.

Начнемъ съ принципіальнаго противника занимающаго насъ вопроса. *Лёфебюръ* *) полагаетъ, что какъ ни полно опасностей современное положеніе Европы съ международной стороны, но нѣтъ ни основанія, ни возможности его измѣнить. Мысли его полны самаго мрачнаго пессимизма. Никогда ненависть между народами Европы не была столь глубока, какъ въ наши дни; никогда не существовало столько предметовъ для столкновеній; никогда теченія въ политикѣ не смѣнялись такъ быстро и общее положеніе вещей не было такъ непрочно и шатко. Европа представляетъ собою не что иное, какъ два громадныхъ укрѣпленныхъ лагеря съ арміями, почти равными по численности. Произволъ народовъ и правителей попрежнему остается главною пружиной, вызывающею миръ или войну. Международное право если не нарушается открыто, то обходится всегда легко и даетъ желающимъ хитро вымышленные предлоги для прикрытія невозможныхъ требованій. Все еще существуетъ право завоеванія, основанное на грубой силѣ, и миръ, признаваемый за высшее благо, зависитъ отъ перваго случайнаго инцидента на границѣ или отъ пустѣйшаго спора о клочкѣ земли гдѣ-либо въ Азіи или въ Африкѣ. Современная политика державъ отличается самымъ беззастѣнчивымъ эгоизмомъ, исключительнымъ преслѣдованіемъ узкихъ, частныхъ интересовъ, забвеніемъ интересовъ высшихъ и общихъ, наконецъ, презрѣніемъ къ идеѣ справедливости и человѣколюбія. Авторъ съ горечью упоминаетъ объ избіеніи армянъ, о захватѣ Англіею Египта, объ отнятіи Соедин. Штатами у Испаніи ея американ-

*) *Paul Lefébure:* „Y-a-t-il lieu de modifier la situation actuelle?“. Congrès etc. p. 119—133.

скихъ колоній, о южно-африканской войнѣ, о полномъ почти крушеніи дѣла гаагской мирной конференціи. Съ особыми упреками обращается онъ къ Англіи, Франціи и Соедин. Штатамъ, которые въ эти послѣдніе годы измѣнили своимъ прежнимъ славнымъ традиціямъ свободы и независимости и вступили на опасный путь имперіализма и политическихъ конъюнктуръ.

Лефебюръ отвергаетъ существованіе обще-европейскихъ интересовъ: вездѣ, во всѣхъ частяхъ земного шара, выступаютъ лишь интересы отдѣльныхъ европейскихъ державъ, и они вызываютъ и усиливаютъ борьбу между ними, а не потребность къ единенію. Таковое могло бы явиться лишь результатомъ соглашенія, но послѣднее опять немыслимо безъ наличности своекорыстныхъ мотивовъ, которые возникли бы, если бы Европѣ грозила общая серьезная опасность. Желтая опасность автору кажется преждевременною или преувеличенною, такъ какъ Европа вторглась въ Китай и стремится къ его расчлененію. Но опасность иную, экономическую и отчасти культурную, онъ допускаетъ со стороны Соедин. Штатовъ и позднѣе, быть можетъ, Австраліи и Южной Африки. По ту сторону океана слагается новый міръ, весьма отличный отъ нашего, и его потребности, идеи и даже права совсѣмъ не тѣ, что у насъ. Вотъ что заставитъ Европу соединиться; но это будетъ союзъ военный, вынужденный, который повлечетъ за собою болѣе страшныя войны, чѣмъ теперешнія, войны между цѣлыми материками изъ-за существованія. Выводъ ужасный, добавляетъ авторъ,—но по нашему единственно вѣрный, ибо онъ соотвѣтствуетъ судьбамъ человѣчества, современному положенію вещей въ мірѣ и законамъ исторіи.

Въ сужденіяхъ автора есть доля правды, поскольку онъ касается проявленій политики современныхъ государствъ, отрѣшенной отъ нравственности и чуждой идеализма; но многое въ его мысляхъ преувеличено, односторонне и голословно. Опроверженіемъ ему служатъ записки другихъ его товарищей и болѣе серьезное наблюденіе надъ общественною жизнью современности.

II.

Международная организація можетъ явиться, какъ и всякая другая общественная форма, при наличности трехъ условій: общихъ идей, интересовъ и опасности. Въ этомъ направленіи движется вся исторія новой Европы, и можно сказать, что, въ извѣстномъ смыслѣ, эта ея организація, давно заложенная, выступаетъ нынѣ въ чертахъ, все болѣе ясныхъ и опредѣляющихся.

Два автора, *Флёри* и *Долло* *), поставили себѣ цѣлью выяснить существованіе этихъ обще-европейскихъ интересовъ въ ихъ исторической

*) *André Fleury:* „Y-a-t-il des intérêts spéciaux à l'Europe?“. Congrès etc. p. 44—59.
René Dollot: „Comment les intérêts spéciaux à l'Europe ont-ils été jusqu'à présent sauvegardés?“. Ibid. p. 61—118.

эволюціи, въ отличіе отъ интересовъ національныхъ и какъ самое существенное предварительное условіе къ введенію международной организаціи для нашей части свѣта. Обѣ записки интересны, чужды отвлеченныхъ теоретическихъ разсужденій, а опираются на историческіе факты и явленія современной жизни, но работа Долло обстоятельнѣе и выдвигаетъ новую сторону дѣла—разсмотрѣніе способовъ, практиковавшихся донынѣ для охраны общихъ интересовъ Европы.

Названные нами авторы отправляются отъ той вполнѣ вѣрной мысли, что рядомъ съ мѣстными, національными, случайными интересами существуютъ въ Европѣ интересы общіе, постоянные, ей свойственные какъ географическому и культурному цѣлому, которые, укрѣпляясь со временемъ, требуютъ для себя, въ интересахъ всѣхъ ея частей, особой защиты и организаціи. Въ извѣстномъ отношеніи Европа составляла одно цѣлое въ средніе вѣка: тогда господствовала одна церковь, существовали одинъ языкъ, одна наука, одно право.

Въ крестовыхъ походахъ сознаніе этого единства сказалось впервые въ грандіозномъ общемъ предпріятіи; но послѣдующія великія событія повели къ его ослабленію и даже распаденію: морскія открытія создали торговую конкуренцію и антагонизмъ между европейскими націями; церковная реформа уничтожила религіозное и нравственное между ними единеніе; эпоха возрожденія вызвала распространеніе по всей Европѣ политическихъ нравовъ Италіи и воскресила идею античнаго государства, по существу эгоистичнаго, самодовлѣющаго и возводящаго въ верховный для себя законъ только собственный интересъ. Ученіе Макіавелли сдѣлалось повсюду кодексомъ высшей политической мудрости. Но среди безконечныхъ войнъ, династическихъ и торговыхъ, обще-европейская идея всетаки не исчезнула совсѣмъ: она сказалась, между прочимъ, въ системѣ политическаго равновѣсія, вызывавшей коалиціи противъ державы, грозившей независимости и существованію другихъ государствъ, а равно въ цѣломъ рядѣ конгрессовъ со времени вестфальскаго мира, акты котораго содержатъ въ себѣ первыя начертанія обще-европейскаго устройства. Въ XIX стол. дѣло это было продолжено вѣнскимъ и послѣдующими конгрессами, и священный союзъ задался мыслью замиренія и объединенія Европы,—мыслью, которая не осуществилась вслѣдствіе того, что она стала въ разрѣзъ съ духомъ времени и потребностями народовъ. Въ XIX в. дипломатія попадаетъ на другую счастливую идею—нейтрализаціи нѣкоторыхъ государствъ (Швейцаріи, Бельгіи, Люксембурга), которыя, по выгодности ихъ положенія, вызывали противъ себя завоевательныя поползновенія сосѣдей, но, по слабости своей, не могли собственными силами отстоять свою независимость. Они были замирены подъ гарантіею великихъ державъ въ общихъ интересахъ Европы.

На востокѣ, въ вопросѣ о положеніи Турціи и порабощенныхъ ею племенахъ, Европа,—говоритъ Флери,—есть болѣе, чѣмъ географическое названіе или политическая фикція, а юридическое лицо (personne morale),

одаренное извѣстною волей. Восточный вопросъ въ цѣломъ означаетъ исторію антагонизма между двумя государствами: Англіею и Россіею, толкаемыми силою ихъ развитія къ политикѣ непрерывнаго расширенія. Но рядомъ съ этими двумя соперниками другія великія державы по своимъ традиціямъ и средиземно-морскимъ интересамъ не могутъ оставаться безучастными. Вотъ что превратило этотъ вопросъ въ обще-европейскій и вызвало такія соглашенія, какъ конвенція о проливахъ 1841 г., трактаты парижскій 1856 г., берлинскій 1878 г., совмѣстныя дѣйствія кабинетовъ на Критѣ, учрежденіе финансоваго контроля въ Турціи, въ Египтѣ и въ Греціи послѣ мирнаго трактата 1897 г. Всѣ эти событія указываютъ на пробужденіе въ европейскихъ государствахъ сознанія бо̀льшей между ними солидарности и на стремленіе къ болѣе активному совмѣстному регулированію восточныхъ дѣлъ въ интересахъ европейскаго мира. Авторъ отзывается весьма благосклонно о политикѣ державъ по отношенію къ Криту и назначенію его генералъ-губернаторомъ принца Георга («наиболѣе логичному и представляющему въ видахъ будущаго лучшія гарантіи прочности») и говоритъ, что учрежденіе финансоваго контроля надъ Греціею соотвѣтствовало двоякому интересу Европы: имъ обезпечиваются, во-первыхъ, права европейскихъ кредиторовъ по отношенію къ Греціи, во-вторыхъ, благодаря ему сдѣлалось возможнымъ вмѣшательство представителей великихъ державъ въ отношенія Греціи къ ея оттоманскому кредитору. Другими словами, это дозволяетъ Европѣ, во имя мира, оказывать покровительство слабѣйшему и мѣшать Турціи въ проявленіи ею правъ побѣдительницы. Такимъ образомъ, подъ предлогомъ чисто-финансовыхъ вопросовъ преслѣдовалась иная, болѣе широкая цѣль—поддержаніе равновѣсія на Балканахъ, и это свидѣтельствуетъ, если не о тождествѣ взглядовъ у руководителей европейской политики, то во всякомъ случаѣ объ одинаковомъ сознаніи ими общаго интереса.

Въ связи съ этими событіями должны быть разсматриваемы и учрежденія на нижнемъ Дунаѣ европейской коммиссіи, оберегающей свободу по немъ плаванія, и нейтрализація Суэцкаго канала, направленная противъ чрезмѣрныхъ притязаній первой морской и торговой державы міра. Въ дунайской коммиссіи Флери видитъ воплощеніе европейскаго синдиката, служащаго общему и постоянному интересу, наиболѣе любопытное созданіе международнаго права, являющееся выраженіемъ Европы, какъ юридической личности въ смыслѣ, указанномъ имъ въ началѣ его статьи. Долло говоритъ объ этихъ фактахъ гораздо подробнѣе и систематичнѣе: всѣ общіе интересы Европы онъ сводитъ къ тремъ категоріямъ: политическимъ, экономическимъ и санитарнымъ. Первые вызвали къ жизни: международные конгрессы и общіе союзы, вродѣ священнаго, нейтрализацію нѣкоторыхъ странъ; заботы объ охранѣ всего Средиземнаго моря, какъ обще-европейскаго, и прилегающихъ къ нему странъ, въ составъ которыхъ входитъ не только оттоманская имперія, но и страны сѣверной Африки. Въ главѣ объ экономическихъ интересахъ рѣчь идетъ: о между-

народныхъ рѣкахъ, уніяхъ (таможенныхъ союзахъ) и формахъ международнаго финансоваго контроля; въ послѣднемъ отдѣлѣ авторъ касается вопроса охраны народнаго здравія въ Европѣ новѣйшими конференціями какъ дипломатическими, такъ и безъ официальныхъ полномочій. Наконецъ, съ точки зрѣнія общаго блага нашего материка, Долло останавливается также на его отношеніяхъ къ Америкѣ и къ Африкѣ.

Система нейтрализаціи нѣкоторыхъ странъ представляется Долло однимъ изъ счастливѣйшихъ нововведеній истекшаго столѣтія. Хотя еще неполная, она, какъ показалъ опытъ, не только является противовѣсомъ войнѣ, но и соотвѣтствуетъ подъему общаго экономическаго благосостоянія и укрѣпленію соціальнаго мира. Не удивительно поэтому, что авторъ задается мыслью о распространеніи принципа замиренія на другія страны Европы. Къ Эльзасу и Лотарингіи онъ считаетъ его неприложимымъ, потому что это установило бы непрерывный барьеръ между Франціею и государствами центральной Европы, въ случаѣ столкновенія между ними, нарушенія его сдѣлались бы неизбѣжными; нейтралитетъ не долженъ абсолютно препятствовать близости (contact) одной великой державы къ другой. Онъ вообще не есть, какъ думаютъ нѣкоторые, орудіе объединенія Европы, а лишь одинъ изъ элементовъ замиренія.

Эта аргументація не представляется намъ убѣдительною: доводы Долло именно подтверждаютъ необходимость, въ высшихъ интересахъ Европы, нейтрализаціи названныхъ областей и признанія ихъ независимости подъ гарантіею державъ. Бельгія также представляетъ въ военномъ отношеніи очень удобный кратчайшій путь для ея сосѣдей и часто служила въ предыдущіе вѣка ареною кровавыхъ столкновеній; она и въ политическомъ отношеніи всегда прельщала завоевательные инстинкты Франціи, но ее нейтрализовали, и даже въ войну 1870—71 г. это положеніе ея не было нарушено. Слѣдовало бы также нейтрализовать, и по тѣмъ же основаніямъ, Голландію, о чемъ не упоминаетъ Долло. Но онъ относится сочувственно къ замиренію Швеціи и Норвегіи: онѣ, по его словамъ, опасаются захвата со стороны Россіи какого-либо открытаго морского порта въ сѣверныхъ норвежскихъ областяхъ Нордланда и Финмаркена; содержаніе арміи при ихъ слабости онѣ считаютъ для себя столь же разорительнымъ, какъ и безполезнымъ. Нейтрализація обѣихъ этихъ странъ не противорѣчитъ чьимъ-либо жизненнымъ интересамъ, а только задѣваетъ честолюбивые виды нѣкоторыхъ, и она дала бы новую поддержку въ пользу общаго мира.

Иное слѣдуетъ сказать про Данію. И тамъ постоянный нейтралитетъ крайне желателенъ населенію, для котораго онъ сталъ бы источникомъ новаго благоденствія; но введеніе его оказалось бы на практикѣ всецѣло на пользу Германіи и ко вреду Россіи Имъ сдѣлалось бы невозможнымъ пользованіе, какъ военной базой, морскимъ каналомъ Киля, и это нарушило бы равенство между воюющими, если бы обѣ названныя державы очутились въ такомъ положеніи. Поэтому, заключаетъ авторъ, можно сказать безъ парадоксовъ, что существующій порядокъ вещей, какъ онъ ни противо-

рѣчитъ интересамъ Даніи, представляется, съ точки зрѣнія принциповъ и общаго блага, лучше обезпечивающимъ нейтралитетъ, нежели это сдѣлала бы спеціальная о немъ декларація. Но упоминаемыя имъ препятствія онъ не считаетъ всетаки неустранимыми и допускаетъ возможность даже скораго осуществленія желаній на этотъ счетъ населенія скандинавскихъ государствъ.

Мы раздѣляемъ эту мысль автора и полагаемъ, что нейтрализація Кильскаго канала сообразно съ положеніемъ Суэцкаго канала по константинопольскому договору 1888 г. не создала бы того неравенства между воюющими, о которомъ онъ говоритъ.

Долло касается и восточной Европы и тутъ, пожалѣвъ о томъ, что въ свое время вѣнскій конгрессъ не нейтрализовалъ Польши (хотя, говоритъ онъ, внимательное изученіе ея исторіи убѣждаетъ насъ почти въ невозможности того, чтобы судьба ея вышла иною, чѣмъ какою она стала въ дѣйствительности), онъ высказываетъ мысль, что Румынія, по своему положенію между Россіею, славянскими землями Балканъ и Турціею, какъ бы призвана стать второю Бельгіею и быть объявленною нейтральною. Конечно, это было бы для нея извѣстною deminutio capitis, но лишь повидимому, ибо на самомъ дѣлѣ это увеличило бы ея безопасность и финансовыя средства, а также спокойствіе Европы.

Странно, что Долло не упоминаетъ о распространеніи этого принципа нейтрализаціи на Константинополь, проливы и балканскую федерацію славянъ и грековъ, если бы таковой удалось сложиться по устраненіи, наконецъ, политическаго владычества турокъ какъ тамъ, такъ равно въ Малой Азіи и въ Сиріи съ Палестиной.

Останавливаясь на значеніи принципа свободы плаванія по международнымъ рѣкамъ, какъ его провозгласилъ вѣнскій конгрессъ, Долло справедливо указываетъ на его недостаточность: прежде Эльба, Везеръ и По были рѣками международными; нынѣ, протекая по территоріи, политически почти объединенной, они утратили это свойство; то же самое приходится сказать и о Рейнѣ, омывающемъ, кромѣ Германіи, незначительною только нижнею частью своего теченія, Голландію. Одинъ лишь Дунай является географически вполнѣ международною рѣкою въ Европѣ, и парижскій конгрессъ 1856 г.,—какъ невѣрно утверждаетъ авторъ, — призналъ его нейтральнымъ на всемъ протяженіи.

Очевидно, принципъ свободы судоходства и торговли по рѣкамъ долженъ быть исправленъ и расширенъ въ смыслѣ, указанномъ еще Блюнчли, независимо отъ того, протекаютъ ли онѣ по территоріи нѣсколькихъ государствъ или одного.

Переходя къ международнымъ уніямъ послѣднихъ десятилѣтій, авторъ склоняется къ мысли Рено и видитъ ихъ прототипъ въ нѣмецкомъ таможенномъ союзѣ, подготовившемъ, какъ извѣстно, объединеніе Германіи подъ гегемоніей Пруссіи. Онъ считаетъ возможнымъ слитіе латинскаго и скандинавскаго монетныхъ союзовъ, а равно монетную унію для централь-

ной Европы. Все будетъ тутъ зависѣть отъ политическихъ обстоятельствъ, которыя могутъ приблизить или отдалить наступленіе этой реформы. Международныя уніи возникаютъ изъ договоровъ, которые, какъ и торговые, въ наукѣ признано называть спеціальными. Менѣе зависимые отъ политическихъ вопросовъ, нежели договоры общіе, они сыграли немаловажную роль въ дѣлѣ охраны европейскихъ интересовъ. Вслѣдствіе самаго ихъ характера они болѣе, чѣмъ политическіе трактаты, считаются съ интересами, которые они регулируютъ, и поэтому отличаются болѣе удовлетворительною редакціей; они смягчаютъ противоположности между странами, которыя естественно другъ отъ друга зависятъ, и тѣмъ, хотя медленнымъ, но очень существеннымъ образомъ, содѣйствуютъ преобразованію мѣстныхъ интересовъ, ставя надъ ними интересъ общій, ихъ всѣхъ объединяющій.

Учрежденіе международнаго финансоваго контроля, каковой мы видимъ въ Турціи, въ Египтѣ и въ Греціи, является однимъ изъ оригинальныхъ созданій новой Европы: онъ предполагаетъ со стороны государства, его принимающаго, отказъ, хотя частичный, отъ самаго существеннаго своего права свободно распоряжаться своею участью. Финансовая независимость составляетъ вѣдь основу независимости политической. Такое вмѣшательство государствъ могущественныхъ и богатыхъ въ дѣла слабѣйшихъ и несостоятельныхъ не оправдывается правомъ; имъ создается своего рода опека, благодѣтельная, однако, для обѣихъ сторонъ: какъ для той, которая, благодаря ей, получаетъ нужныя ей матеріальныя средства, такъ и для той, которая помѣщеніемъ своихъ капиталовъ соединяетъ съ нею свои экономическіе интересы.

Таковы мотивы, вызвавшіе къ жизни формы международнаго финансоваго надзора, оберегающаго весьма крупный коллективный интересъ. Авторъ не упоминаетъ только объ опасной оборотной сторонѣ его: о подрывѣ иностранцами національной независимости народа, вынужденнаго выносить такую опеку. Поэтому она всегда должна быть временною и строго ограниченною нормами права какъ законовъ, такъ и договоровъ *).

Санитарныя конференціи (авторъ перечисляетъ главнѣйшія) положили основаніе дѣлу чрезвычайной важности: онѣ уберегли бассейнъ Средиземнаго моря, а, слѣдовательно, и всю Европу отъ вторженія къ намъ тѣхъ страшныхъ болѣзней, которыми отъ времени до времени награждаетъ насъ Азія,—холеры, чумы и т. д. Онѣ установили извѣстныя общія мѣры охраны народнаго здравія по Суэцкому каналу, Красному морю, Персидскому заливу, слѣдуя указаніямъ науки и опыта и возможно менѣе стѣсняя торговлю и передвиженія. Для этого созданы даже особые совѣты въ Александріи и Константинополѣ. Къ сожалѣнію, международная санитарная система—столь необходимая—еще очень далека отъ совершенства. Въ

*) О положеніи финансовъ Греціи интересна работа *Политиса*, *Politis* „Le contrôle international sur les finances helléniques et ses premiers résultats (1898—1901)“ въ *Revue gen. de dr. int. publ.* 1902, № 1, p. 5, suiv.

Америкѣ въ 1881 г. засѣдала подобная же конференція въ Вашингтонѣ, изучавшая мѣры борьбы съ желтою лихорадкою.

Европа, какъ духовное и культурное цѣлое, имѣетъ свои интересы не только у себя, но и въ другихъ частяхъ свѣта. Въ Америкѣ они, по ошибкамъ державъ, быстро сокращаются; зато для нихъ создано недавно новое обширное поприще въ Африкѣ. Интересы эти столь же политическаго, какъ и экономическаго характера. Дальняго востока Долло не касается вовсе *). Онъ правъ, подчеркивая важность для Европы того, чтобы американскія республики не подпали подъ хозяйственный и политическій гнетъ С. Штатовъ, столь увлекаемыхъ нынѣ маніею имперіализма. Многоразличными узами латинская Америка ближе къ южной Европѣ, чѣмъ къ своимъ сѣвернымъ братьямъ. Къ сожалѣнію, Испанія и Франція почти ничего не дѣлаютъ, чтобы тамъ поддержать свое вліяніе, а захватъ Штатами Филиппинскаго архипелага былъ крупнѣйшею оплошностью со стороны Европы. Англія уступила имъ и въ вопросѣ Панамскаго канала, и надолго ли ей суждено удержать за собою Вестъ-Индію и Канаду? О вашингтонгскомъ конгрессѣ 1889—90 г. авторъ замѣчаетъ, что въ случаѣ удачи онъ поставилъ бы всѣ латинскія республики въ полную экономическую зависимость отъ сѣверо-американской ко вреду ихъ самихъ и Европы. Переходя къ Африкѣ, онъ довольно подробно характеризуетъ дѣло берлинской конференціи 1884—1885 г., которая позаботилась о пользахъ Европы и мѣстныхъ населеній Африки.

Общія заключенія занимающихъ насъ авторовъ таковы: Европѣ безспорно присущи извѣстные общіе интересы. Ихъ нужно только ближе узнать, точнѣе опредѣлить и дать имъ юридическую охрану. Дѣло это уже начато самою жизнью, и время его довершитъ. Воля человѣка собственно при этомъ не играетъ большой роли. На мѣстѣ старой Европы, неорганизованой, и, несмотря на сродство ея частей, даже до извѣстной степени анархической, показывается Европа новая, организованная. Въ ней стремятся къ равновѣсію двоякаго рода интересы: чисто-національные, враждебные соглашенію и толкающіе народы къ разъединенію и столкновеніямъ, и интересы международные, коренящіеся въ ихъ сосѣдствѣ и сродствѣ. Они ведутъ ихъ къ ежедневнымъ сношеніямъ, поддаются стройному развитію, другъ друга восполняя, и постоянно крѣпнутъ, независимо отъ человѣческой воли, соединяя населеніе Европы все болѣе проявляющеюся солидарностью. Вопросы чисто-политическіе уступаютъ свое мѣсто важнымъ проблемамъ экономическимъ и соціальнымъ, изученіе которыхъ поневолѣ толкаетъ, въ силу самой ихъ природы, какъ научную мысль, такъ и дѣйствія правительствъ, на аналогичныя рѣшенія ихъ. Но говорить уже теперь о созданіи соединенныхъ штатовъ Европы—преждевременно. народы такъ же не откажутся отъ своей національности и независимости, какъ человѣкъ—

---

*) Объ отношеніяхъ державъ къ Китаю печатаетъ обширное изслѣдованіе *Lapradelle*—„La question chinoise“ (Ib. 1901, p. 272 et suiv.; 1902, p. 49 et suiv.).

отъ своей личности. Можно ждать только того, что они силою вещей, сохраняя свою самобытность, придутъ къ возложенію коллективныхъ интересовъ на свои второстепенные административные органы. Уступка уже важная, дѣлаемая и многими другими современными авторами *). На это скажемъ: жизнь въ своемъ поступательномъ развитіи обыкновенно не знаетъ границъ, которыя ей пытается ставить боязливая теорія.

III.

Интересы мира между народами Европы, какъ мы видимъ, крѣпнутъ, но всетаки между ними возможны, и даже сильныя, столкновенія. Для устраненія ихъ необходимо усилить дѣйствіе мирныхъ способовъ окончанія споровъ между народами, всячески ограничивъ область войны и самосуда. Это — дѣло дипломатіи и права. Объ этомъ спеціально говоритъ *Монтарди* въ запискѣ, посвященной главнымъ образомъ конвенціи гаагской конференціи о посредничествѣ и третейскомъ судѣ **). Многое въ его небольшой работѣ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, но съ конечнымъ его выводомъ о недопустимости постояннаго (обязательнаго) третейскаго суда согласиться нельзя.

Авторъ начинаетъ съ вполнѣ вѣрныхъ замѣчаній о природѣ войны— этой главной рѣшительницы международныхъ несогласій. Съ какой бы стороны мы ни смотрѣли на войну, свойства ея таковы, что все ее осуждаетъ и ничто ее не обѣляетъ. Она пробуждаетъ въ людяхъ не столько мужество и самоотверженіе, сколько жестокость, насильственность, распущенность. Примѣненіе силы притупляетъ нравственное чувство и вызываетъ страсть къ разрушенію. Бѣдствія, причиняемыя войною, поражаютъ даже третьи, не участвующія въ ней, государства, при громадномъ развитіи и осложненіи современнаго международнаго оборота. Правда, послѣднія могутъ укрыться за привилегію неприкосновенности, которую имъ доставляетъ «право нейтралитета». Но въ виду разрушеній, потерь и страданій, сопутствующихъ войнѣ, они имѣютъ законное право и нравственную обязанность предупреждать всякую грозящую войну или полагать вспыхнувшей войнѣ извѣстные предѣлы. Это—высшій долгъ, налагаемый международною солидарностью. Можно ли воспрепятствовать войнѣ, ограничивъ вызывающіе ее причины и поводы? Вотъ задача по-истинѣ великая. Результаты гаагской конференціи должны, къ сожалѣнію, убѣдить въ томъ, что нашъ

---

*) Наприм., г. *Казанскій* допускаетъ возможность организаціи не европейской только, но всемірной, зато не политической, но только административной, имѣющей въ виду общественные интересы. Она можетъ быть осуществлена съ сохраненіемъ государствъ и не должна быть непремѣнно самостоятельной (ср. его рѣчь на актѣ Новороссійскаго университета 1 мая 1901 года: „Ученіе о международной администраціи“).

**) *Henry de Montardy*: „Peut—on trouver un mode particulier de trancher les litiges internationaux?“ Congrès, etc. p. 158—171.

вооруженный миръ долго еще не будетъ замѣненъ миромъ настоящимъ, благодѣтельнымъ и прочнымъ, зарю котораго такъ хотѣлось увидѣть въ созывѣ этого собранія нѣкоторымъ мечтателямъ.

Однако, по мнѣнію автора, кое-что и значительнаго было сдѣлано въ Гаагѣ. Онъ разбираетъ постановленія названной мирной конвенціи и находитъ, что отнынѣ къ посредничеству легче обращаться, его удобнѣе предлагать и расширенъ кругъ лицъ, изъ которыхъ можно избирать посредниковъ. Посредничество, по своей природѣ, широкое и гибкое, является весьма цѣннымъ способомъ для улаженія международныхъ споровъ, возникающихъ нерѣдко вслѣдствіе невозможности для сторонъ объясниться и понять одна другую. Хотя обращеніе къ нему необязательно и оно въ сущности обозначаетъ не болѣе добраго совѣта, но малыя государства энергично высказались въ Гаагѣ противъ того, чтобы посредничество превратилось въ рукахъ сильнаго въ орудіе давленія на нихъ.

Менѣе гибкій, какъ средство процессуальное, третейскій судъ предпочтительнѣе посредничества, ибо онъ стремится утвердить миръ на правѣ, облекая свои рѣшенія въ точную юридическую форму. Третейскій судъ въ своей дѣятельности не только руководится опредѣленными принципами, но и держится извѣстныхъ процессуальныхъ формъ, оберегающихъ интересы сторонъ, которыя ему довѣрились. Постановленія его окончательно рѣшаютъ ихъ споры. Представители державъ въ Гаагѣ вѣрно оцѣнили его значеніе, когда заявили, что онъ составляетъ самое дѣйствительное и въ то же время наиболѣе справедливое средство къ рѣшенію споровъ между государствами, не оконченныхъ дипломатическими путями. Въ Гаагѣ былъ сдѣланъ новый шагъ впередъ и хотя въ идеѣ набросанъ эскизъ постояннаго третейскаго суда, «суда свободнаго въ средѣ независимыхъ государствъ».

Авторъ полагаетъ, что это—крайній предѣлъ возможной въ этомъ направленіи реформы. Все носитъ здѣсь характеръ факультативный. Принципъ обязательнаго обращенія къ третейскому суду отвергнутъ, и не безъ основанія. Онъ напоминаетъ четверной договоръ 20 ноября 1815 г. между державами, побѣдившими Францію, и возникшій тогда священный союзъ, поставившій себѣ, повидимому, задачею — охрану общаго мира и благосостоянія, но вызвавшій скоро недовольство всѣхъ своею политикою опеки и вмѣшательствъ. Тогда уже стало яснымъ, что общее благо, проповѣдуемое даже самыми благонамѣренными филантропами, можетъ причинить много бѣдъ, такъ какъ торжество его на практикѣ превращается въ побѣду частныхъ интересовъ Исторія политическаго трибунала кабинетовъ 1813 и послѣдующихъ годовъ повторилась бы и въ XX вѣкѣ, если бы сдѣлали попытку ввести для государствъ постоянный и обязательный третейскій судъ. Самое драгоцѣнное право народовъ — принадлежать самимъ себѣ и сохранять неприкосновенной свою индивидуальность. Жизнь ихъ, какъ и жизнь индивидовъ,—борьба; но жизнь, полная тревогъ, опасностей и событій, предпочтительнѣе, нежели вѣчный покой подъ охраною опекуна. Верховный международный судъ неизбѣжно станетъ деспотичнымъ. Болѣе силь-

ныя правительства тѣмъ удачнѣе заведутъ подъ его прикрытіемъ интриги и совершатъ, во имя якобы справедливости, тѣмъ болѣе тяжкія правонарушенія. Что можетъ быть легче искаженія и произвольнаго толкованія принциповъ международнаго права? И сами судьи, какъ бы они ни были мудры, безпристрастны и благонамѣренны, были бы поставлены весьма часто въ самое безвыходное положеніе. Какъ бы могли они рѣшать споры, которые затрогивали бы историческія права народа, глубоко связанныя съ его сознаніемъ и всегда способныя поднять всѣ его страсти, чаянія и стремленія? Въ связи съ этими разсужденіями Монтарди логически приходитъ и къ признанію войны неустранимою во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ рѣчь заходитъ о самомъ существованіи государствъ: объ ихъ неприкосновенности и независимости. Продуктъ страстей народа, сознающаго свою независимость и желающаго ее проявлять, война въ смутныя эпохи ниспровергаетъ всѣ преграды и одерживаетъ верхъ надъ всякими соображеніями. Государство, пребывая единымъ хозяиномъ у себя, само ревниво оберегаетъ права и интересы свои и своихъ гражданъ и никогда не потерпитъ воздѣйствія на себя со стороны какого-либо чуждаго и высшаго организма.

Одно, на что надѣется авторъ, это—что въ будущемъ войны станутъ болѣе рѣдкими и краткими вслѣдствіе успѣховъ и возрастающаго вліянія экономическихъ интересовъ. Гаагская конференція, по его словамъ, оказала дѣлу права величайшія услуги. Лишенныя обязательнаго характера, ея платоническія постановленія остаются тѣмъ не менѣе весьма плодотворными. Государства получили теперь возможность лучше понимать другъ друга и легче сговариваться, благодаря новымъ имъ формамъ переговоровъ. Можно надѣяться, что добрый починъ не останется безъ благихъ же послѣдствій. Миролюбивыя массы будутъ все расти, человѣчество неудержимо стремиться къ миру и шаги его въ этомъ направленіи будутъ дѣлаться тѣмъ скорѣе, чѣмъ съ бо́льшею независимостью отдѣльные народы будутъ работать надъ собственнымъ благосостояніемъ. Такъ водворится не вѣчный миръ мечтателей, но великое, благодѣтельное замиреніе юридическое.

Разсужденія автора грѣшатъ своимъ основаніемъ: преувеличеннымъ культомъ къ суверенитету государствъ. Ограниченіе послѣдняго международнымъ правомъ означаетъ не уничтоженіе его, а только лучшее обезпеченіе на подобіе того, какъ въ гражданскомъ обществѣ законъ, ограничивая свободу человѣка, ее не подрываетъ, а ставитъ на болѣе прочную и широкую почву. Примѣръ европейскаго концерта 1813—15 гг. не удался потому, что онъ былъ исключительно политическимъ учрежденіемъ, а одушевлявшія его начала равновѣсія и легитимизма частію не имѣли корня въ окружавшей его дѣйствительности, частью примѣнялись по усмотрѣнію и въ интересахъ однихъ сильныхъ міра сего. Обязательный для большинства споровъ и постоянный третейскій судъ необходимъ. Онъ совмѣстимъ съ независимостью народовъ, поставленною, какъ и дѣятельность суда, на юридическую почву.

Противовѣсомъ возможнымъ его ошибкамъ явятся не только болѣе тщательно выработанныя международныя нормы, но и другіе, также необходимые, международные органы. Во всякомъ случаѣ, при такихъ только условіяхъ, а не при господствующихъ порядкахъ, юридическое замиреніе, о которомъ говоритъ авторъ, станетъ серьезнымъ фактомъ, а не пустою фразою.

IV.

Наиболѣе положительно въ пользу международной организаціи высказывается *Изамберъ* *). По его мысли, она должна ограничиться Европой и носить даже политическій характеръ. Выводы его, полные вѣры въ будущее, проникнуты энергичною, смѣлою мыслью и составляютъ прямую противоположность взглядамъ автора первой записки.

Продолжительнымъ и всеобщимъ опытомъ доказано, такъ начинаетъ онъ, что миръ—то наилучшее общественное состояніе, которое даетъ возможность человѣку всего полнѣе развить свои способности и народу всего болѣе проявить свои силы. На этомъ основаніи, казалось бы, правительства, сознающія лежащую на нихъ отвѣтственность, должны были бы отказаться отъ всякихъ завоеваній и расширеній своей территоріи и позаботиться всячески объ отысканіи средствъ къ поддержанію всеобщаго мира. Но увлекаемыя честолюбіемъ и соперничествомъ, они не умѣли избрать надлежащій для этого путь. Они обращались къ эмпирическимъ средствамъ: къ образованію сильныхъ союзовъ, къ системѣ политическаго равновѣсія, къ собиранію грозныхъ военныхъ силъ для того, чтобы посредствомъ страха предотвратить отъ себя опасность войны, слѣдуя старинной поговоркѣ: «Si vis pacem, para bellum». Но эти пріемы достаточно показали свою несостоятельность. Тогда обратились къ двумъ средствамъ, которыя хотя и были предложены нѣкоторыми юристами и философами, но не безъ основанія считаются большинствомъ утопичными. къ разоруженію и къ введенію международнаго третейскаго суда. Работы гаагской конференціи подтвердили малую ихъ пригодность на практикѣ. Разоруженіе встрѣтило бы на дѣлѣ такія препятствія, которыя оказались бы непреодолимыми. Что касается до третейскаго суда, учрежденнаго въ Гаагѣ, то не слѣдуетъ преувеличивать его значеніе: пока обращеніе государствъ къ нему остается добровольнымъ, онъ не будетъ имѣть возможность рѣшать какіе-либо важные споры, затрогивающіе ихъ честь или жизненные интересы. Конечно, судъ этотъ принесетъ нѣкоторую пользу — окончаніемъ споровъ юридическихъ, вращающихся около мелкихъ интересовъ, но воздѣйствія на споры политическіе онъ рѣшительно имѣть не будетъ. Если же обращеніе къ нему сдѣлать для государствъ обязательнымъ, то нужна для этого организація

*) *Gaston Isambert:* „Projet d'organisation politique d'une Confédération Européenne". Congrès, etc. p. 136—155.

политическая, вооруженная законодательною и исполнительною властью, которая бы обращала въ законную силу постановленія международнаго суда (власти судебной).

Вотъ что приводитъ автора къ разсмотрѣнію вопроса о политическомъ устройствѣ Европы. Упомянувъ о прежнихъ проектахъ таковаго, начиная съ Сюлли, Эмерикъ Крюсе и аббата Сенъ-Пьера и кончая Лоримеромъ и Блюнчли *), онъ не считаетъ ихъ въ цѣломъ неосуществимыми. Они не вызвали публичнаго обсужденія и объявлены утопіями, но только потому, что правители и народы не захотѣли отказаться отъ извѣстныхъ притязаній и территоріальныхъ пріобрѣтеній, удовлетворить которымъ можно только войною; неудача, о которой мы говоримъ, объясняется также господствомъ традиціонной, слишкомъ узкой идеи о народѣ; стремленія въ сферѣ политики къ преобладанію, къ захватамъ искони заглушали тотъ истинный духъ человѣколюбія и то сознаніе всемірнаго братства, которые заложены въ каждой благородной душѣ.

Пусть могущественнѣйшіе государи Европы согласятся прочесть эти проекты, сравнить ихъ между собою, извлечь изъ каждаго наиболѣе разумныя мысли, съ тѣмъ чтобы примѣнить ихъ къ современному политическому положенію, и они поймутъ тогда, что въ нихъ ничего нѣтъ химеричнаго. Имъ не придется толковать о разоруженіи, столь невыполнимомъ и не поддающемся контролю; не зайдетъ рѣчь и о какихъ-либо измѣненіяхъ во внутреннемъ строѣ ихъ государствъ: все дѣло сведется къ возведенію надъ національными организаціями, безъ ущерба существующимъ договорамъ и порядкамъ, новой, болѣе широкой и ихъ объединяющей, организаціи.

Эта послѣдняя должна быть не всемірною и объединить собою только Европу. Если Сюлли, Сенъ-Пьеръ, Руссо говорятъ о всемірномъ устройствѣ, то только потому, что въ ихъ время политическій міръ ограничивался Европой. Нынѣ мы видимъ совсѣмъ иное. Существуютъ въ Америкѣ и въ Азіи могущественныя государства, играющія важную роль въ международныхъ сношеніяхъ; но они слишкомъ отдаленны, чтобы имѣть возможность дѣятельно участвовать въ централизованной организаціи Европы, и это препятствіе не устраняется даже проведеніемъ морскихъ кабелей. Для того чтобы союзъ государствъ отличался прочностью и жизнеспособностью, необходимо, чтобы члены его были соединены общностью интересовъ и цивилизаціи; поэтому народы Азіи могутъ иногда участвовать въ великихъ международныхъ собраніяхъ, но нѣтъ основанія давать имъ мѣста въ томъ обще-европейскомъ и постоянномъ правительствѣ, которое будетъ вѣдать дѣла старыхъ народовъ индо-европейской расы.

Что касается до Соединенныхъ Штатовъ Америки, то при общности ихъ съ нами по религіи, происхожденію и образованности, они имѣютъ свои совершенно особые экономическіе интересы и всегда такъ рѣзко подчеркиваютъ свое желаніе оставаться въ сторонѣ отъ Европы, что нечего

*) Онъ опускаетъ изъ новѣйшихъ Фильда, Фіоре, Шлифа, Новикова.

БИБЛІОТЕКА

соединять ихъ съ нею въ общей ассоціаціи. Въ интересахъ всеобщаго мира, впрочемъ, нельзя не желать, чтобы эти обѣ части свѣта составили какъ бы одинъ громадный политическій синдикатъ. Размѣры его явились бы обратно пропорціональными его силѣ. Напротивъ, уже соединеніе всѣхъ европейскихъ государствъ въ одное цѣлое представило бы собою такую массу, которая не преминула бы оказать внушительное и благотворное воздѣйствіе на всѣ остальныя части свѣта. Если бы Испанія входила въ составъ подобной организаціи, посмѣли ли бы Соединенные Штаты отнять у нея колоніи? Съ другой стороны, существованіе въ Европѣ верховнаго амфикціоннаго совѣта предотвратило бы ея государства отъ несправедливыхъ войнъ въ другихъ частяхъ свѣта. Тогда едва ли бы Англія напала на южно-африканскія республики буровъ изъ-за вопросовъ о налогахъ и натурализаціи, вполнѣ поддающихся третейскому рѣшенію. Европа, объединенная въ конфедерацію, хотя и не совпала бы съ цѣлымъ политическимъ міромъ, но сдѣлалась бы настолько сильною, что могла бы предлагать и навязывать (imposer) свое посредничество и рѣшенія на всѣхъ пунктахъ земного шара.

Задача, такъ понятая и ограниченная, развѣ не достойна стать предметомъ обсужденія европейскаго конгресса? Она заслуживаетъ почина кого-либо изъ европейскихъ государей, который, въ этомъ случаѣ, выступилъ бы съ предложеніемъ болѣе практичнымъ, нежели вопросъ о разоруженіи.

Авторъ въ дальнѣйшемъ даетъ эскизъ задуманнаго имъ плана. Европейская конфедерація должна обнять всѣ государства, составляющія Европу за однимъ исключеніемъ. Всѣ эти государства связаны между собою: своею *цивилизаціею*, если не тожественною, то аналогичною; *политическимъ и экономическимъ развитіемъ*, достигнувшимъ не у всѣхъ одинаково высокаго уровня, но покоющимся на однородныхъ началахъ; *племеннымъ родствомъ* въ силу принадлежности ихъ къ индо-европейской расѣ; наконецъ, *религіею*, воплощенной въ разнообразныя внѣшнія формы, но проникнутой общими началами идеализма и альтруизма. Такимъ образомъ, въ занимающую насъ организацію вошли бы 19 государствъ: Англія, Бельгія, Нидерланды, Люксембургъ, Франція, Германія, Швейцарія, Австро-Венгрія, Данія, Швеція—Норвегія, Россія, Румынія, Сербія, Болгарія, Черногорія, Греція, Италія, Испанія и Португалія.

Турція не должна быть допущена въ этотъ союзъ. Государство мусульманское, господствующее племя котораго принадлежитъ къ монгольской расѣ, она отличается не только особою отъ нашей цивилизаціею, но и администраціею, рутинною и дикою. Правда, въ теченіе прошлаго вѣка великія державы признали за Турціею большинство привилегій, даруемыхъ международнымъ правомъ, но, съ другой стороны, онѣ не отмѣнили дѣйствія на ея территоріи капитуляцій и рядомъ вмѣшательствъ въ ея внутреннія дѣла, узаконенныхъ конгрессами и трактатами, подтвердили ея ненормальное международное положеніе. Кромѣ того, ввести Турцію въ европейскій союзъ значило бы отказаться отъ освобожденія райи, все еще сто-

нущей подъ ея игомъ, и сдѣлаться соучастниками въ тѣхъ избіеніяхъ, которымъ подвергаются на нашихъ глазахъ христіане въ Арменіи и въ другихъ частяхъ имперіи.

Нельзя не согласиться съ этими мыслями автора, вполнѣ вѣрными. Онъ также правъ, когда полагаетъ, что папа, лишенный территоріи и свѣтской власти, не долженъ имѣть своихъ представителей въ европейской конфедераціи. По большинству вопросовъ, которыми ей пришлось бы завѣдывать—военнымъ, экономическимъ, политическимъ—эти представители могли бы имѣть развѣ только голосъ совѣщательный, а это уменьшило бы значеніе папы какъ чтимаго главы всего католическаго міра.

Какъ поступить съ колоніями? Допущеніе ихъ делегатовъ въ составъ европейскаго конгресса дало бы страшный численный перевѣсъ нѣкоторымъ державамъ, но совершенное ихъ исключеніе было бы неудобно, хотя бы уже потому, что многіе споры между европейскими державами возникаютъ нынѣ именно изъ-за колоніальныхъ вопросовъ. Поэтому авторъ предлагаетъ среднее рѣшеніе: предоставить только европейскому населенію колоній (европейцамъ, тамъ поселившимся, и лицамъ, происходящимъ отъ европейцевъ), а не природнымъ ихъ жителямъ (неграмъ, индусамъ, краснокожимъ) право посылать своихъ депутатовъ въ европейскія собранія, что не особенно умножило бы число голосовъ ихъ метрополій.

Какую форму должно принять это великое государство, составленное изъ отдѣльныхъ государствъ Европы? Будетъ ли это *федерація* (союзное государство) на подобіе современной Германіи, С. Штатовъ Америки, Швейцаріи, или оно будетъ *конфедераціею* (союзомъ государствъ) по образцу прежней Священной Германской имперіи, соединенныхъ кантоновъ Швейцаріи и генеральныхъ штатовъ Нидерландовъ? Изамберъ высказывается за послѣднюю форму. Отдѣльныя государства слишкомъ ревниво оберегаютъ свою независимость, чтобы можно было допустить согласіе съ ихъ стороны на другой, болѣе тѣсный союзъ. Члены федераціи подчиняются центральной власти союза, которая одна обладаетъ суверенитетомъ. Напротивъ въ конфедераціи части ея остаются сами суверенными. Она, покоясь на договорѣ, не поглощаетъ ихъ независимости, но соединяетъ въ нѣкоторое цѣлое, которое однако авторъ, въ отличіе отъ многихъ современныхъ писателей (Ле-Фюръ, Бореля, Лабанда) считаетъ всетаки настоящимъ государствомъ съ собственнымъ суверенитетомъ, могущимъ быть раздѣленнымъ на власти—законодательную, исполнительную и судебную. Эта конфедерація въ свою очередь должна быть республикою, а не монархіею, ибо послѣдняя предполагаетъ принципъ подчиненности, на который не согласятся свободныя государства, и кромѣ того выборы главы ея сдѣлались бы источникомъ нескончаемыхъ смутъ и потрясеній.

Правительство европейской республики сосредоточивалось бы, по автору, въ четырехъ органахъ: въ законодательномъ собраніи, въ верховномъ судѣ, въ конгрессѣ и въ исполнительномъ совѣтѣ (правленіи, директоріи).

Въ основаніи ихъ устройства и дѣятельности кладутся два принципа: равенства государствъ и пропорціональности населенія.

Законодательное собраніе составляется изъ 57 членовъ (по три отъ каждаго государства). Авторъ отвергаетъ различіе, допускаемое, при назначеніи его членовъ, Лоримеромъ и Блюнчли, между великими и малыми государствами.

Неравенство ихъ—явленіе фактическое, играющее роль въ политикѣ, но лишенное юридическаго основанія. Члены названнаго собранія назначаются главами государствъ на срокъ или безсрочно (по ихъ усмотрѣнію), не связываются опредѣленными инструкціями и подаютъ свои голоса каждый не отъ себя, а отъ имени своего государства, и рѣшеніе принимаютъ простымъ большинствомъ. Они не должны быть несмѣняемы, ибо выражаютъ мнѣніе не свое личное, а назначившаго ихъ правительства, которое должно располагать правомъ ихъ отозванія и замѣны другими.

Такая организація собранія не представляется намъ удовлетворительною: она, лишенная однородности, превратила бы его въ слѣпое и покорное орудіе политики кабинетовъ, между тѣмъ какъ основнымъ правиломъ должна быть признана независимость международныхъ органовъ въ отведенной имъ по закону сферѣ.

Законодательное собраніе вѣдаетъ двоякаго рода дѣла: оно издаетъ законы и распоряженія, касающіеся либо всѣхъ государствъ, либо нѣкоторыхъ изъ нихъ; заботится обо всемъ, что скрѣпляетъ ихъ международныя сношенія, гражданскія и торговыя; организуетъ желѣзныя дороги, почты, телеграфы, подводные кабели: опредѣляетъ соглашенія о торговлѣ, таможняхъ, монетахъ, литературной и художественной собственности; издаетъ законы о подданствѣ, натурализаціи, выдачи преступниковъ, исполненіи иностранныхъ судебныхъ рѣшеній, гражданскихъ и уголовныхъ; принимаетъ санитарныя мѣры, необходимыя для предохраненія Европы отъ болѣзней, вторгающихся въ нее изъ другихъ континентовъ. Однимъ словомъ, оно вырабатываетъ кодексъ международнаго права, публичнаго и частнаго.

Во-вторыхъ, оно играетъ роль обвинительной власти (ministère public) по отношенію къ другимъ судебнымъ органамъ (верховному суду и конгрессу), т.-е. оно вноситъ, либо по собственному почину, либо по жалобѣ заинтересованныхъ сторонъ, на разсмотрѣніе этихъ собраній такія спорныя дѣла, которыя возникнутъ между членами конфедераціи или которыя ихъ въ чемъ-либо касаются. Оно рѣшаетъ вопросы о самой подсудности дѣлъ тому или иному изъ судебныхъ органовъ.

Верховный судъ, пропорціонально населеніямъ, состоитъ изъ 90—100 членовъ, такъ что на каждые пять милліоновъ жителей (части милліоновъ принимаются за цѣлыя) приходится по одному члену: на Францію—8 чел., Германію—11, Россію—22, Грецію—1 и т. д. Они назначаются палатами, а за отсутствіемъ таковыхъ, главами государствъ на срокъ, зависящій отъ усмотрѣнія ихъ избирателей, а также безъ обязательныхъ полно-

мочій. Каждый судья высказываетъ отдѣльно свое мнѣніе; рѣшенія принимаются простымъ большинствомъ.

Это собраніе было бы верховнымъ судилищемъ по спорнымъ дѣламъ международной администраціи и по вопросамъ права. Оно рѣшало бы всякія столкновенія между государствами кромѣ споровъ, касающихся ихъ чести, границъ и внутренняго устройства. Но въ отличіе Гаагскаго суда это былъ бы третейскій судъ не факультативный, а обязательный, который рѣшалъ бы дѣла не по желанію сторонъ, не въ силу заключеннаго ими компромисса, а внесенныя на его разбирательство законодательнымъ собраніемъ. При накопленіи дѣлъ судъ раздѣляется на отдѣленія, причемъ принимается въ соображеніе соотвѣтствіе членовъ ихъ съ значеніемъ самихъ государствъ и чтобы судьямъ не приходилось разбирать споры назначившаго ихъ правительства.

По нашему, это собраніе, какъ органъ права по преимуществу, должно покоиться на принципѣ равенства государствъ, а не пропорціональности населенію; достаточно, чтобы каждое государство назначало въ него по два члена, которые всѣ должны пользоваться неприкосновенностью и несмѣняемостью. Увольняются же они только въ случаѣ преступленій по приговору самого суда (in corpore).

Конгрессомъ авторъ называетъ соединеніе въ одно цѣлое двухъ предшествующихъ органовъ,—законодательнаго собранія и верховнаго суда,—съ цѣлью совмѣстной ихъ дѣятельности по важнѣйшимъ международнымъ вопросамъ. Онъ рѣшаетъ все, что относится къ наиболѣе важнымъ и жизненнымъ интересамъ народовъ, къ ихъ существованію, независимости, развитію, безопасности,—словомъ, именно такія столкновенія, которыя вызываютъ нынѣ между ними войну, если они настолько сильны, что могутъ разсчитывать на успѣхъ своего оружія. Конгрессъ имѣетъ еще двѣ функціи: онъ постановляетъ объ измѣненіяхъ союзнаго устройства и избираетъ членовъ исполнительнаго правленія. Рѣшеніе онъ принимаетъ большинствомъ двухъ третей голосовъ, лишенныхъ обязательныхъ полномочій.

Мы согласны съ авторомъ въ томъ, что конгрессъ является центромъ всей международной организаціи. Смотря по роду дѣлъ и по надобности, къ нему присоединяются отъ времени до времени отдѣльныя конференціи. Но, по нашему мнѣнію, онъ дѣлаетъ излишнимъ законодательное собраніе, соединяя въ своихъ рукахъ кодификацію международныхъ формъ и завѣдываніе вопросами международной политики. Судебная же функція (кромѣ посредничества) должна отъ него совсѣмъ отойти. Авторъ неправильно смѣшиваетъ законодательныя и судебныя дѣла, предоставляя ихъ однимъ и тѣмъ же органамъ.

Затѣмъ члены конгресса, утверждаемые своими правительствами (на опредѣленные, но не очень длинные сроки, на 5—7 лѣтъ) должны избираться (въ числѣ, напр., 5 человѣкъ отъ государства) главными элементами національной жизни: министерствомъ иностранныхъ дѣлъ (политика),

палатами, высшимъ судомъ (право), академіею наукъ и университетами, торговыми палатами (промышленность и торговля). Они должны имѣть спеціальную, научную и практическую подготовку, не быть связанными полномочіями и не совмѣщать свои должности съ какими-нибудь иными должностями и занятіями. Конгрессъ засѣдаетъ періодически, въ опредѣленное время года, но можетъ быть созванъ правительствами, или самъ сойтись, въ случаѣ надобности, въ чрезвычайное засѣданіе.

Исполнительный совѣтъ состоитъ изъ пяти директоровъ, по очереди избираемыхъ на годъ изъ всѣхъ государствъ, въ отличіе отъ коллегіи делегатовъ отъ шести только великихъ державъ, предложенной Блюнчли. Совѣтъ самъ избираетъ предсѣдателя, который однако не пользуется никакими преимуществами передъ остальными товарищами. Совѣтъ публикуетъ законы и распоряженія, изданные законодательнымъ собраніемъ, и приводитъ въ исполненіе постановленія конгресса и верховнаго суда.

Мы держимся того мнѣнія, что въ системѣ международнаго устройства собственно управленію или администраціи *) должно быть отведено сравнительно съ законодательствомъ и правосудіемъ совершенно второстепенное мѣсто и значеніе. Это управленіе возлагается, по природѣ вещей, на отдѣльныя государства, а выработка его въ нѣкоторую стройную систему, въ систему гораздо болѣе обязательнаго третейскаго суда, лишила бы ихъ всякой независимости, за которую однако такъ стоятъ упоминаемые нами въ выноскѣ писатели.

Въ виду періодичности засѣданій конгресса и неопредѣленности созыва конференцій, мы также считаемъ необходимымъ постоянный, связующій ихъ органъ, который лучше всего назвать *международнымъ совѣтомъ*. Онъ назначается конгрессомъ, отъ котораго вполнѣ зависитъ, и функціи имѣетъ чисто-исполнительныя. Мѣстопребываніе его считается столицею европейскаго союза. Въ ней собираются и остальные его органы.

По мнѣнію Изамбера, малымъ государствамъ центральной Европы: Швейцаріи, Бельгіи, Нидерландамъ, Люксембургу, должна быть предоставлена честь служить территоріею для правительства соединенной Европы. Или быть можетъ,—добавляетъ онъ,—было бы достойно высокой мудрости одного изъ могущественнѣйшихъ ея государей согласиться на нейтрализацію одной изъ его территорій, обладаніе которою навлекаетъ на него столько ненависти, и объявить Страсбургъ, превращенный изъ имперскаго въ союзный городъ, столицею Европы.

Намъ представляется для этой роли наиболѣе подходящимъ городомъ

---

*) Противоположнаго взгляда держатся Штейнъ, Мартенсъ, Левьё, Казанскій, но они превращаютъ едва ли не все международное право въ международную администрацію, что противорѣчитъ очевиднымъ фактамъ дѣйствительности, знающей международную *политику*, а *администрацію* допускающей лишь въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ и безъ тѣхъ функцій обязательности и власти, которыя характеризуютъ *администрацію внутреннюю*.

во всѣхъ отношеніяхъ Бернъ—мѣстопребываніе центральныхъ органовъ большинства международныхъ уній).

Въ заключеніе авторъ касается и самаго труднаго вопроса—о международномъ принужденіи. Онъ допускаетъ учрежденіе международныхъ арміи и флота по принципу пропорціональности съ населеніемъ. На каждаго члена верховнаго суда государство выставляетъ 10,000 солдатъ (Франція, напр., 80,000), что въ цѣломъ дастъ армію въ 800,000 чел. Малыя государства вооружаютъ не менѣе 10,000. Эти войска располагаются на территоріяхъ своего отечества, но, по возможности, ближе къ центру Европы и живутъ они въ особыхъ казармахъ. Офицеры ихъ назначаются отдѣльными соотвѣтствующими правительствами, но они называются международнымъ войскомъ и имѣютъ особые отличительные знаки. Каждое государство содержитъ свой контингентъ. Въ столицѣ союза располагается только небольшая часть этого войска (около 20,000 чел., составленныхъ изъ 250 человѣкъ на 5 милл. населенія).

Въ случаѣ неповиновенія одного изъ союзныхъ государствъ исполнительный совѣтъ мобилизуетъ эту армію, ставя во главѣ ея того изъ высшихъ начальствующихъ лицъ, который представляется ему наиболѣе выдающимся по честности и военнымъ дарованіямъ. Если бы непокорное государство выставило внушительную силу, совѣтъ призываетъ къ оружію двойной, противъ обыкновеннаго, контингентъ войскъ.

Конфедерація такимъ образомъ была бы искуснымъ сочетаніемъ права и силы, причемъ послѣдняя была бы лишь орудіемъ перваго. Это дало бы ей возможность предупреждать всякія столкновенія, готовыя вспыхнуть. Какое государство, даже могущественнѣйшее, рѣшилось бы противодѣйствовать коалиціи 18 другихъ государствъ и не повиноваться велѣніямъ центральнаго союзнаго правительства? Мало того· послѣднее, не вмѣшиваясь во внутреннія дѣла своихъ членовъ, могло бы въ случаяхъ угнетенія какой-либо національности, съ большою осмотрительностью, оказать ей помощь вообще или въ образованіи новаго изъ себя политическаго тѣла.

Союзъ, о которомъ мы говоримъ, оказалъ бы огромное вліяніе и на отношенія Европы къ остальнымъ материкамъ. Гдѣ нужно, онъ помогъ бы своему члену въ несправедливомъ и неравномъ нападеніи на него со стороны государства внѣ-европейскаго (испано-американская война), удержалъ бы его отъ несправедливой войны съ слабѣйшимъ противникомъ своимъ посредничествомъ или разборомъ спорныхъ между ними вопросовъ (англо-бурская война), или помѣшалъ бы безразсудному походу одного изъ своихъ членовъ противъ государства сильнѣйшаго и стоящаго внѣ союза (греко-турецкая война). Не только войны въ Европѣ, но и войны внѣевропейскія могли бы быть устранены указываемымъ способомъ. Государ-

*) Мысли наши о международной организаціи мы имѣли уже случай изложить подробнѣе въ нашей рѣчи на актѣ Московскаго университета 12 января 1899 г.: „Объ основной задачѣ международнаго права“.

ство съ населеніемъ въ 375 милл. человѣкъ можетъ диктовать свой законъ вселенной подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы этотъ законъ былъ согласенъ съ правомъ и правдою (équité).

Набросанный нами очеркъ,—заключаетъ Изамберъ,—можетъ быть, конечно, измѣненъ. Извѣстные пункты въ немъ требуютъ болѣе серьезнаго изученія и, быть можетъ, лучшаго разрѣшенія. Мы поставили себѣ только задачею показать, что идея конфедераціи не есть утопія, но подлежитъ точному и практическому проведенію въ жизни. Не слѣдуетъ только склонять голову предъ неизбѣжностью человѣческой эволюціи; не должно счастіе народовъ ставить въ зависимость отъ дѣйствія постепеннаго, но медленнаго, экономическаго развитія или отъ смягченія, еще болѣе медленнаго и, можетъ быть, даже призрачнаго, природы человѣка; поставить устраненіе войны въ зависимость отъ успѣховъ промышленнаго и торговаго, отъ улучшенія души человѣческой, не значитъ ли это желать сокрушить скалу посредствомъ падающей капли воды? Не равносильно ли это отсрочкѣ рѣшенія желаемой проблемы на цѣлые вѣка? Для передвиженія массъ человѣкъ изобрѣлъ рычагъ. Для устраненія безчисленныхъ бѣдствій, вызываемыхъ столкновеніями и войною, ему даны мысль, воля, разумъ. Онъ долженъ приступить къ изученію этихъ великихъ задачъ лишь съ твердымъ намѣреніемъ ихъ рѣшенія, и онъ ихъ разрѣшитъ.

Разобранный нами планъ неудовлетворителенъ въ одномъ принципіальномъ отношеніи: хотя въ немъ рѣчь и идетъ о конфедераціи государствъ, но послѣдняя въ сущности есть скорѣе федерація,—такъ близко подходитъ она, въ мысляхъ автора, къ началамъ и строенію государственныхъ формъ. Между тѣмъ, организація Европы, въ качествѣ международной, не должна быть повтореніемъ и воспроизведеніемъ этихъ государственныхъ формъ, хотя бы и федеративныхъ. Дѣло тутъ идетъ о новой, широкой, совершенно своеобразной формѣ общежитія для того великаго цѣлаго, которое мы зовемъ обществомъ народовъ. Въ основаніи ея должны лежать начала равенства, независимости и солидарности народовъ. Принципъ соразмѣрности съ ихъ населеніями приложимъ развѣ лишь въ одной области, гдѣ рѣчь идетъ объ организаціи совмѣстнаго принужденія отъ имени цѣлаго союза. Форма, о которой мы говоримъ, не федерація, потому что послѣдняя слишкомъ стѣсняетъ свободу членовъ въ угоду цѣлаго, но она не будетъ и конфедераціею въ обще-признанномъ смыслѣ, на томъ основаніи, что въ послѣдней связь между частями слишкомъ слаба, общая жизнь въ ней недостаточно выработана и выражена, и она не обладаетъ тѣмъ числомъ органовъ, которыхъ требуетъ столь широкая и развѣтвленная жизнь международная нашего времени.

V.

На основаніи предшествующихъ работъ общій докладъ конгрессу политическихъ наукъ, по занимающему насъ вопросу, представилъ извѣстный

писатель и членъ французской академіи (института) *Анатоль Леруа-Больё* *). Не вдаваясь въ подробности объ устройствѣ Европы, какъ Изамберъ, онъ въ цѣломъ склоняется къ его воззрѣніямъ, внося въ нихъ, однако, нѣкоторыя интересныя поправки.

Не подлежитъ сомнѣнію,—такъ начинаетъ онъ,—что существуютъ общіе интересы Европы: они многочисленны и все разрастаются. Но такъ же ясно, что эти интересы весьма часто охраняются недостаточно. Экспедиція европейцевъ въ Китай въ 1900—1901 гг. показала, до какой степени европейскія державы не привыкли дѣйствовать сообща. Поэтому нельзя не желать созданія для этихъ интересовъ постояннаго органа въ видѣ уніи, или ассоціаціи государствъ Европы. Такая идея способна привлечь къ себѣ не только умъ мечтателя или философа, размышляющаго объ осуществленіи на землѣ, быть можетъ, сверхчеловѣческаго идеала мира и справедливости, но она достойна вниманія и ума положительнаго, для котораго на первомъ планѣ стоятъ вопросы матеріальные и политическіе и который не можетъ не сознавать того громаднаго вреда, какой, при расширенныхъ сношеніяхъ народовъ въ наши дни, вытекаетъ для Европы изъ соперничества и вражды ея частей между собою. Государственный человѣкъ можетъ желать объединенія ихъ въ союзѣ, для того чтобы дать Европѣ новую силу, равно какъ и для того, чтобы лучше обезпечить ей миръ, ибо въ нашъ вѣкъ сила (могущество) является главнымъ условіемъ для охраны самаго мира и для дальнѣйшаго мирнаго преуспѣянія. Кромѣ того, между Вогезами и Рейномъ понынѣ существуютъ болѣзненные вопросы, которые могутъ быть окончательно рѣшены только на почвѣ европейской федераціи. Для каждаго ясно, что въ современномъ обществѣ крѣпнетъ идея солидарности. Приложима ли она, и въ какой формѣ, къ обществу народовъ? Въ этомъ весь вопросъ. Онъ представляетъ, несомнѣнно, извѣстную аналогію съ другою соціальною проблемою: отношеній между частными лицами. И здѣсь и тутъ принципъ ассоціаціи дѣлаетъ большіе и рѣшительные шаги впередъ.

Но какую форму придать европейскому союзу? Авторъ въ противорѣчіе съ заглавіемъ собственной работы предостерегаетъ отъ названія его, по-американскому образцу, Соединенными Штатами Европы. Народы нашего материка обладаютъ такимъ славнымъ и разнообразнымъ прошлымъ, особою богатою національною литературою, своими нравами, дарованіями и т. д., что никогда не согласятся отказаться отъ своей исторической и національной индивидуальности. Это нужно всегда имѣть въ виду Въ противномъ случаѣ, сколько бы Европа ни выиграла въ силѣ отъ соединенія, она утратила бы другое не менѣе высшее благо—свое превосходство въ области науки и искусства. Это было бы истиннымъ несчастіемъ не только для ея цивилизаціи, но и для всего человѣчества. Европейскій союзъ долженъ умѣрять страсти узкаго націонализма, но, съ другой сто-

*) *Anatole Leroy-Beaulieu*: „Les Etats-Unis d'Europe“. Congrès, etc. p. 5—24.

роны, онъ не долженъ никого лишать его родины, а во всѣхъ своихъ членахъ поддерживать, рядомъ съ любовью къ ней, благородное сознаніе принадлежности ихъ къ еще другому, новому и болѣе широкому цѣлому—Европѣ.

Образцомъ для ея устройства должны поэтому послужить не С. Штаты Америки (не Bundesstaat, какъ говорятъ нѣмцы), которые всетаки составляютъ собою одно государство—хотя и федеральное—съ единою національностью, а прежняя швейцарская республика до 1848 г. или еще лучше прежній германскій союзъ, какъ онъ существовалъ до 1866 года. Что же касается до федераціи для Европы, то это вопросъ развѣ отдаленныхъ грядущихъ вѣковъ.

Нельзя не согласиться съ авторомъ въ этомъ исходномъ и коренномъ пунктѣ, недостаточно поставленномъ на видъ Изамберомъ. Организація Европы не должна ничего отнять у ея народовъ, а лишь пріумножить ихъ миръ и благосостояніе, усиливъ ихъ значеніе на вѣсахъ міра. Въ этомъ, конечно, громадная трудность, но и весь смыслъ задачи.

Но,—продолжаетъ Леруа-Болье,—всей ли Европѣ войти въ предполагаемую ассоціацію? Что дѣлать съ ея колоніями и зависимыми странами въ другихъ частяхъ свѣта?

Тутъ онъ опять уклоняется отъ своего предшественника. По его мнѣнію, вся старая, настоящая историческая Европа, весь ея латино-германскій міръ призваны вступить въ унію между собою, причемъ всѣ эти народы центральной и западной Европы удерживаютъ за собою колоніи и продолжаютъ управлять ими по своему усмотрѣнію. Эти народы особенно связаны между собою своимъ прошлымъ и общностью культуры. Но иное должно сказать о трехъ имперіяхъ, положеніе которыхъ весьма своеобразно: о Турціи, Великобританіи и Россіи.

Турція по своему составу, строю, религіи и нравамъ—государство гораздо болѣе азіатское, нежели европейское. Когда въ средніе вѣка и въ эпоху возрожденія рѣчь заходила о соединенной Европѣ, то имѣлось въ виду именно противодѣйствіе исламу и изгнаніе мусульманъ изъ ея предѣловъ. Мысль о присоединеніи ихъ къ европейской системѣ тогда показалась бы настолько же нелѣпою, какъ и богохульною. Нынѣ уже не то. Турки болѣе не страшны, а если они угрожаютъ еще миру Европы, то не своимъ оружіемъ, а варварствомъ, внутреннимъ разложеніемъ своей имперіи, трудностью ее поддержать, а еще болѣе—замѣнить. Вотъ почему Турція не можетъ остаться внѣ европейскаго союза. Но пусть она войдетъ въ него не какъ активный членъ, не на правахъ равенства съ остальными, а въ извѣстной зависимости отъ союза, какъ бы въ качествѣ опекаемаго (pupille) Европою. Быть можетъ, это было бы лучшимъ средствомъ для мирнаго, наконецъ, рѣшенія столь труднаго и всегда опаснаго восточнаго вопроса.

Мы высказались уже въ принципѣ противъ такого допущенія въ европейскій союзъ Турціи, столь отличной отъ него и во всемъ ему противо-

положной. Цивилизовать Турцію на европейскій ладъ, не значитъ ли требовать отъ нея, чтобы она перестала быть мусульманскою, т.-е. отказалась бы отъ самой своей личности? Народы же христіанскіе, освобожденные отъ ея ига, конечно, лучше ея поведутъ къ новой жизни благословенныя страны востока.

Но мы согласны съ авторомъ въ томъ, что новыя балканскія государства, по нѣкоторомъ исправленіи и расширеніи ихъ границъ, должны бы соединиться въ конфедерацію и войти въ бо́льшій европейскій союзъ. Это было бы для нихъ, какъ и для малыхъ государствъ западной Европы, самою надежною гарантіею ихъ независимости и свободнаго національнаго развитія.

Труднымъ и важнымъ представляется вопросъ объ отношеніяхъ соединенной Европы къ двумъ великимъ мировымъ имперіямъ: къ Великобританіи и Россіи. Захотятъ ли онѣ занять и должно ли имъ дать мѣсто въ этомъ союзѣ? Если бы рѣчь шла объ учрежденіи настоящихъ Соединенныхъ Штатовъ Европы, о будущей федеральной республикѣ на подобіе великой заатлантической, то, очевидно, обѣимъ этимъ имперіямъ не было бы въ ней мѣста. Слишкомъ громадныя по своему объему, онѣ неизбѣжно нарушили бы своимъ присоединеніемъ равновѣсіе силъ остальной объединенной Европы. По своему политическому строю и составу, по своимъ традиціямъ и стремленіямъ, онѣ весьма рѣзко отличаются отъ остальной Европы. И колоссальная царица морей, и громаднѣйшая сухопутная держава—эти китъ и слонъ,—по выраженію Бисмарка,—не могли бы чувствовать себя по душѣ въ составѣ европейской республики или федераціи. Но дѣло идетъ, особенно на первыхъ порахъ, о соединеніи весьма свободномъ, о нѣкоторомъ постоянномъ союзѣ (une sorte d'alliance ou d'entente permanente) между различными государствами, и съ этой точки зрѣнія вопросъ представляется иначе.

Авторъ къ немалому удивленію, вѣроятно многихъ, высказывается противъ допущенія Англіи и за принятіе Россіи въ предполагаемый имъ союзъ. Хотя Англія по своему прошлому, по своей цивилизаціи страна по преимуществу европейская и одна изъ благороднѣйшихъ носительницъ европейской культуры, но какъ держава, съ владѣніями во всѣхъ частяхъ свѣта, она является уже имперіею міровою, а не европейскою. Болѣе обширная и болѣе населенная, чѣмъ другія величайшія государства (Россія и Китай), она, очевидно, имѣетъ свои особые интересы, отличные отъ европейскихъ. И судьбы ея въ будущемъ, вѣроятно, иныя, чѣмъ наши. Какъ извѣстно, вопросъ о соединеніи ея колоній въ единую федерацію (fédération impériale) автономныхъ частей подъ ея верховенствомъ, составляетъ главный предметъ заботъ ея государственныхъ людей въ наши дни,—задача, аналогичная нашей, относительно европейской уніи, и не менѣе трудная. Мало того: авторъ полагаетъ даже, что эта унія,—если ей суждено состояться,—будетъ направлена противъ Англіи въ видахъ отстоянія экономическихъ интересовъ Европы и противодѣйствія британскому всемогуществу на моряхъ.

Въ этихъ разсужденіяхъ, по нашему мнѣнію, сказываются національныя симпатіи и опасенія автора. Нѣтъ основанія исключать Англію изъ европейскаго союза. По высокому уровню своего политическаго и умственнаго развитія, она призвана играть въ немъ видную и благотворную роль. Что же касается до ея колоній (особенно автономныхъ, съ преобладающимъ европейскимъ населеніемъ), то одно изъ двухъ: или онѣ отъ нея отдѣлятся и тогда имъ нечего входить въ составъ союза собственно-европейскихъ земель, или же онѣ образуютъ съ метрополіею сложную, союзную имперію, устройство которой и рѣшитъ въ будущемъ отношенія ея къ Европѣ, лучше всего въ смыслѣ, указанномъ Изамберомъ. При этомъ, однако, интересы Европы должны быть поставлены на первое мѣсто.

Россія, по словамъ автора, въ противоположность Англіи, не составляетъ части старой, исторической Европы. Ея традиціи, учрежденія, политическій строй, народный духъ, даже сама природа ея страны отдѣляютъ ее отъ Запада. Въ ней не можетъ существовать то чувство солидарности съ нимъ, которое связываетъ между собою народы германскіе и романскіе. Даже считая себя европейцами передъ Азіею, русскіе полагаютъ, что они принадлежатъ къ другой Европѣ, чѣмъ собственно мы: они приписываютъ своей родинѣ особый народный духъ, свою отдѣльную миссію и цивилизацію, отличную-де отъ европейской, которую признаютъ устарѣвшею и чуть не разлагающеюся. Даже тѣ изъ нихъ, которые не раздѣляютъ этихъ національныхъ предразсудковъ, всетаки думаютъ, что Россіи, какъ естественной главѣ славянскаго и православнаго міра, предназначены особыя судьбы: если они не смѣютъ обѣщать ей прямо гегемоніи надъ Западомъ, то считаютъ ее, съ другой стороны, настолько обширною и богатою всякими естественными дарами, что для нея представляется совершенно излишнимъ какой-либо союзъ. Авторъ говоритъ еще о быстромъ ростѣ ея народонаселенія, уже теперь достигнувшаго 130 милліоновъ человѣкъ; скоро эта цифра дойдетъ до 150, изъ нихъ четыре пятыхъ—европейскаго происхожденія. Благодаря громадности и непрерывности своей территоріи, благодаря послѣдовательности своей политики, Россія производитъ сильнѣйшее давленіе на всѣ окружающія ее страны, отъ Кореи до Карпатъ и не исключая востока Европы. Поэтому неудивительно, что многіе, мечтавшіе объ европейской конфедераціи, напр. Ле-Пле, не отводили въ ней мѣста Россіи, даже видѣли въ ней, конфедераціи, противовѣсъ противъ ея распространенія и честолюбивыхъ замысловъ, равно какъ и противъ посягательствъ народовъ англо-саксонской расы.

Положеніе Европы и міра нынѣ измѣнились. Каковы бы ни были расширенія владѣній и сферы вліянія Россіи, она не представляется намъ теперь наиболѣе опасною силою для существенныхъ интересовъ Запада. Военное могущество Германіи, съ одной стороны, вопросы колоніальные и морскіе—съ другой, побуждаютъ насъ смотрѣть на Россію скорѣе какъ на необходимый элементъ равновѣсія въ Европѣ и даже въ мірѣ. Наравнѣ съ государствами западной Европы она заинтересована въ свободѣ мо-

рей и въ охранѣ ея противъ посягательствъ Великобританіи. Кромѣ того, если она постоянно расширяетъ сферу своего вліянія на Востокѣ и на Дальнемъ Востокѣ, она не обладаетъ достаточными средствами и капиталами, чтобы собственными силами эксплоатировать страны, которыя она подчинила своему политическому вліянію. Даже для собственнаго промышленнаго развитія она вынуждена обращаться за содѣйствіемъ Европы и ея капиталовъ. Въ силу этого можно сказать, что въ ближайшій періодъ, въ первую половину, по крайней мѣрѣ, XX вѣка, интересы какъ политическіе, такъ и экономическіе могутъ дѣйствовать въ смыслѣ установленія между Россіею и западной Европой соглашенія (entente), приготовленіемъ къ которому является франко-русскій союзъ.

Нельзя не признать вѣрнымъ основной тезисъ автора о томъ, что Россія должна занять мѣсто въ организаціи Европы, хотя, быть можетъ, съ оговоркою относительно степени связанности ея съ таковою, въ силу именно ея особенностей.

Исторія показываетъ намъ, что народы сближаются и соединяются не столько по чувствамъ симпатіи, сколько подъ гнетомъ взаимной ненависти и зависти. Вѣроятно, то же повторится и съ европейскимъ союзомъ. Тѣ, кто разсчитывалъ на успѣхи демократіи, призванной скрѣпить братство народовъ, очевидно имѣли преувеличенное представленіе объ уровнѣ нравственнаго развитія общества въ наши дни. Опасные симптомы, вродѣ націонализма, имперіализма, свидѣтельствуютъ объ усиленіи національнаго антагонизма и эгоизма. Въ виду вызываемыхъ ими увлеченій можно ли разсчитывать на согласіе народовъ приступить къ обще-европейскому союзу (alliance) въ угоду мирной пропагандѣ и чувству солидарности? Если европейской уніи суждено увидѣть свѣтъ въ ближайшемъ будущемъ,—въ первой половинѣ XX вѣка, то развѣ только съ цѣлію создать противовѣсъ честолюбію и захватамъ странъ съ англійскою рѣчью—С. Штатовъ и Великобританіи. Точкою отправленія къ введенію таковой могутъ послужить тѣ два союза, которые раздѣляютъ въ наши дни великія державы Европы на два лагеря. Это было бы великимъ благодѣяніемъ для нашего материка и для міра вселенной.

Леруа-Болье, какъ замѣчено, не вдается въ подробности относительно устройства Европы. Въ какую форму облечется оно? Одни ли правительства будутъ имѣть своихъ уполномоченныхъ въ обще-европейскомъ сенатѣ или въ совѣтѣ державъ (Sénat ou Conseil des Etats)? Или, что болѣе соотвѣтствуетъ федераціи, рядомъ съ нимъ будетъ существовать и палата изъ народныхъ представителей, выбранныхъ населеніемъ въ извѣстной пропорціи къ числу жителей каждаго изъ союзныхъ государствъ? Дозволено ли мечтать о будущемъ парламентѣ Европы? О правительствѣ союзномъ? О верховномъ судѣ? Все это вопросы, имѣющіе для нашего времени только теоретическій интересъ. Авторъ, подъ конецъ своей записки высказываетъ сомнѣнія, нѣсколько противорѣчащія общему ея тону и содержанію. Разсужденія объ устройствѣ будущей европейской уніи, восклицаетъ онъ тутъ,

по меньшей мѣрѣ преждевременны. Но въ тотъ день, когда правительства и народы Европы придутъ къ сознанію ея пользы, они сумѣютъ ее осуществить хотя бы чрезъ цѣлый рядъ поисковъ и попытокъ. Тутъ снова подтвердилась бы вѣрность одной изъ ходячихъ формулъ, что нужда сумѣетъ создать органъ.

Да, но для этого нужно подготовлять общественное сознаніе. И авторъ въ цѣломъ это дѣлаетъ. Свое основное положеніе онъ выражаетъ такъ: союзъ Европы явится дѣломъ времени, какъ произведеніе новыхъ чувствъ и потребностей ея народовъ. Осуществится онъ медленно, по частямъ, подъ двойнымъ напоромъ идей и интересовъ, дѣйствующихъ совмѣстно въ одномъ и томъ же направленіи. Главный стимулъ къ этой реформѣ авторъ видитъ въ интересахъ экономическихъ, которые, умножая конвенціи между народами, соединятъ ихъ, наконецъ, въ одинъ великій таможенный союзъ. Таковой, если бы онъ даже распространялся лишь на западную и центральную Европу, былъ бы наиболѣе практическимъ путемъ къ федераціи европейскихъ народовъ. Введеніе его легче, нежели установленіе союза политическаго, но онъ рѣшительно необходимъ, если принять въ соображеніе ограниченность европейскихъ рынковъ и возрастающую конкуренцію С. Штатовъ и англо-саксонскаго міра. Конечно, протекціонизмъ повсюду господствуетъ у насъ и даже усиливается. Но союзъ, о которомъ мы говоримъ, не требуетъ уничтоженія всякихъ пошлинъ между государствами: достаточно лишь, чтобъ они согласились признать извѣстную высшую ставку ихъ въ умѣренныхъ размѣрахъ, съ предоставленіемъ нѣкоторыхъ льготъ для членовъ союза. Но еще другія соціальныя силы съ возрастающимъ давленіемъ толкаютъ народы къ соединенію. Это—стремленіе рабочихъ классовъ, требующихъ международнаго законодательства о трудѣ. Какъ ни относиться къ этому движенію, но нельзя отвергать ни его важности, ни его способности создать между государствами Европы новые узы. Соціализмъ, хочетъ ли онъ того или нѣтъ—работаетъ неизбѣжно въ пользу интернаціонализма. И тотъ, и другой—живыя силы, съ которыми никакъ нельзя не считаться, когда задумываешься надъ будущностью Европы. Нельзя же ей вѣчно оставаться скованною современными предразсудками и старыми ненавистями. Вопросъ объ ея организаціи вовсе не призракъ. На практикѣ онъ осуществится, вѣроятно, всего скорѣе такъ, что возникнетъ соглашеніе между великими державами, къ которому приступятъ малыя государства. Конгрессы и конференціи будутъ ядромъ этого новаго строя, выработка котораго выпадетъ главнымъ образомъ на долю дипломатовъ.

Событія текущаго года какъ бы подтверждаютъ мысль автора: возобновленъ тройственный союзъ, были новыя проявленія симпатій между главами двойственнаго союза, но руководители того и другого спѣшатъ заявить другъ другу о взаимныхъ расположеніи и дружбѣ. Весьма желательно, чтобы изъ этихъ могучихъ союзовъ, другъ друга уравновѣшивающихъ, выросъ еще болѣе великій и плодотворный союзъ всей соединенной Европы. Только не можетъ быть это дѣломъ одной дипломатіи и хотя бы даже

только главнымъ образомъ, какъ выражается авторъ. Но кто не подпишется, прочитавъ его прекрасную записку, подъ заключительными ея словами: «Самые скептическіе умы по отношенію къ занимающей насъ реформѣ согласятся съ нами въ томъ, что все, содѣйствующее взаимному сближенію народовъ Европы, должно быть признано благомъ не только для нея самой, но и для человѣчества, являясь новымъ шагомъ впередъ цивилизаціи»?

VI.

Разобранные нами доклады и самая тема ихъ—международная организація Европы, вызвали интересныя пренія на конгрессѣ политическихъ наукъ въ его засѣданіи 5 іюня 1900 г. Рѣшенія, какъ сказано выше, не было принято; голоса противниковъ были въ большинствѣ, но не отсутствовали и искусные защитники этой великой реформы. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если принять въ соображеніе важность и новизну этой идеи для большинства даже мыслящихъ людей нашего времени.

Остановимся немного на этихъ преніяхъ, такъ какъ и они бросаютъ нѣкоторый новый свѣтъ на занимающій насъ предметъ *).

Почетный предсѣдатель конгресса и директоръ школы политическихъ наукъ Бутми (Boutmy) подчеркнулъ значеніе рабочихъ классовъ въ дѣлѣ будущаго сближенія и замиренія народовъ. Вслѣдствіе нищеты и непрочности своего положенія эти классы привыкаютъ къ пословицѣ «ubi bene ibi patria» и какъ бы поневолѣ отказываются отъ патріотизма, считая своими братьями не болѣе счастливыхъ и имущихъ согражданъ, а иностранныхъ рабочихъ, терпящихъ такія же бѣдствія, какъ и они. Такимъ образомъ возникаетъ вѣроятіе, что эта часть населенія будетъ противиться всякому рѣшенію своего правительства повести ихъ къ взаимному истребленію изъ-за вопросовъ честолюбія или расширенія территоріи. Мы еще до этого не дожили, но наступленіе такого момента предвидѣть не трудно, если только подумать о тѣхъ новыхъ налогахъ и займахъ, которые вызываются войною и всею своею тягостью ложатся на низшіе народные классы **).

Леруа-Болье резюмировалъ отдѣльные доклады. Политическій горизонтъ для него не представляется столь мрачнымъ, какъ для Лефебюра. Планъ Изамбера едва ли осуществимъ, но, въ отличіе отъ Монтарди, онъ высказывается за постоянный третейскій судъ (arbitrage permanent). «Рано или поздно,—заключаетъ онъ,—неотразимая нужда (nécessité inéluctable) побудитъ государства создать какую-либо совмѣстную организацію. Міръ на-

*) *Congrès etc.* p. XII—XV; 25—41.

**) Только что оконченная война въ южной Африкѣ вызвала въ Англіи чрезвычайные военные расходы: за время съ октября 1899 г. ушло свыше 200 милл. фун. стерл. (или 2 милліардовъ рублей); это заставило правительство обратиться къ весьма непопулярнымъ налогамъ вродѣ хлѣбныхъ пошлинъ.

ходится на пути къ преобразованію и въ этомъ направленіи движется быстро. Быть можетъ, гораздо скорѣе, чѣмъ мы думаемъ, преграды къ образованію европейскаго союза исчезнутъ. Намъ же не мѣшаетъ уже теперь, по слову Тьера, быть хорошими европейцами, оставаясь добрыми французами. Никакого нѣтъ основанія отчаиваться въ будущемъ. Вражда, раздѣляющая народы, можетъ улечься скорѣе, чѣмъ мы ожидаемъ. Государи могутъ проникнуться мыслью о той пользѣ, которую доставилъ бы имъ конгрессъ, созванный для рѣшенія наиболѣе трудныхъ международныхъ вопросовъ. Организація Европы есть нравственная идея, въ смыслѣ Канта, и какъ таковая,—правило для нашихъ дѣйствій. Практическій разумъ выставляетъ принципъ: «война не должна существовать». Это насъ обязываетъ отыскивать средства, способныя уничтожить или ограничить войну. То, что кажется намъ сегодня лишь одною теоріею, осуществится современемъ».

Противъ объединенной въ союзѣ Европы было выставлено нѣсколько аргументовъ:

1. Это не сократитъ, какъ думаютъ друзья человѣчества, а скорѣе расширитъ область войны, ибо создастъ почву для столкновеній цѣлаго континента съ континентомъ.

2. Европейскія государства имѣютъ важные и ежегодно развивающіеся интересы, особенно экономическіе, внѣ Европы, которые въ то же время составляютъ ихъ спеціальные интересы. Изъ-за нихъ чаще всего возникаетъ между ихъ народами антагонизмъ. Можетъ ли ихъ устранить унія, а допущеніе въ ея составъ отношеній внѣ-европейскихъ не есть ли узаконеніе войны?

3. Обсуждаемый планъ противорѣчитъ суверенитету государствъ: онъ лишилъ бы ихъ должной свободы дѣйствія въ минуты наиболѣе для нихъ критическія. При борьбѣ между членами восторжествовало бы большинство, т.-е. сила надъ правомъ, независимостью, интересомъ слабѣйшаго члена, несогласнаго съ большинствомъ. Словомъ, организація, о которой толкуютъ, невозможна, потому что она предполагаетъ народы всегда миролюбивые, міръ между ними подѣленный, правительства мудрыя и неподкупныя (Léon Abrami).

4. Принципъ ассоціаціи не можетъ быть перенесенъ изъ частнаго права въ публичное и неприложимъ къ отношеніямъ государствъ. Частныя лица соединяются по довѣрію, государства по недовѣрію, чтобы лучше обмануть другъ друга, пользуясь довѣрчивостью другого. Поэтому самый терминъ «ассоціація» къ нимъ не приложимъ (Robert Savary).

5. Духовные и культурные интересы сближаютъ нынѣ народы нашего материка болѣе, чѣмъ въ прежнія эпохи. Противъ этого едва ли можно спорить. Но заключать отсюда къ политической ихъ организаціи, какъ одного цѣлаго, нельзя, ибо это означало бы войну Европы противъ всего, что внѣ ея. Надо выбирать одно или другое, а не то и другое изъ обоихъ положеній: либо мирное сожитіе народовъ, либо объединеніе Европы

политическое и враждебно направленное противъ другихъ частей свѣта (Paul Leféburе).

6. Союзы создаются для предотвращенія опасностей. Какія опасности угрожаютъ намъ? Китай? Скорѣе Европа угрожаетъ ему, чѣмъ наоборотъ. Англія и С. Штаты? Но они, вѣроятно, скорѣе распадутся, нежели составится европейская унія. Говорятъ, въ соединеніи сила, да, но соединяются только слабые. Быть можетъ и соединятся слабые народы (конфедерація скандинавская, балканская), но они не захотятъ соединиться съ сильнѣйшими. Самые экономическіе интересы слишкомъ разнообразны и противорѣчивы: это мы видимъ на затрудненіяхъ, съ которыми заключаются даже отдѣльные торговые договоры. Словомъ, европейская унія, быть можетъ, желательна, но осуществленіе ея сомнительно (Armand Hahn).

7. Едва ли можно спорить противъ существованія общихъ интересовъ Европы, но они ей не спеціально присущи, не ея какъ бы личные. Существуютъ интересы міровые и они тоже развиваются. Поэтому, если уже говорить о Соединенныхъ Штатахъ, то не Европы, а міра, и таковою должна представиться конечная цѣль эволюціи, если вообще допустить ея желательность и законность, что еще сомнительно (Gaston Brunet).

8. Доводы Леруа-Болье противъ допущенія въ европейскій союзъ Англіи приложимы въ равной степени и къ Россіи. Она составляетъ свой особый міръ; у нея нѣтъ постоянныхъ общихъ интересовъ съ центральною Европою. Противодѣйствіе гегемоніи Англіи можетъ повести лишь къ преходящему сближенію. Призваніе Россіи—на востокѣ, туда перемѣщается и ея экономическій центръ, ея промышленное развитіе не приближаетъ ея къ намъ, а, напротивъ, все болѣе удаляетъ отъ насъ, съ точки зрѣнія проблемы, которая насъ теперь занимаетъ. Россія понемногу становится нормальнымъ государствомъ въ смыслѣ ученія Листа, т.-е. способнымъ находить въ себѣ самой всѣ нужныя ей средства и все менѣе и менѣе зависѣть отъ другихъ. Поэтому она можетъ играть роль—и дѣйствительно это дѣлаетъ, счастливаго противовѣса, какъ членъ политическаго союза (alliance), но ей нѣтъ мѣста въ настоящей федераціи (fédération. René Dollot).

На эти возраженія были представлены и нѣкоторые отвѣты, помимо доводовъ, развитыхъ въ запискахъ; хотя въ цѣломъ многое можно было бы къ нимъ и добавить. Вѣроятно, недостатокъ времени этому помѣшалъ. Нельзя отвергать существованія принципа ассоціаціи на почвѣ публичнаго права. Государства соединяются иногда на время, потомъ это соединеніе превращается въ постоянное, организованное. Вспомнимъ кантоны Швейцаріи; отдѣлившіяся отъ Англіи области сѣверной Америки превратились потомъ въ могущественную республику. Вѣроятно, и федерація Европы потребуетъ для своего осуществленія не одного поколѣнія, а пройдетъ черезъ цѣлый рядъ колебаній, опытовъ и т. п. Но постоянная опасность, противъ которой Европѣ пора уже предохранить себя, это—усиливающійся ростъ интересовъ внѣ-европейскихъ (Анатоль Леруа-Болье).

Весьма велика опасность для мира и со стороны все возрастающаго милитаризма. Уже этого одного факта достаточно, чтобы оправдать конфедерацію (Изамберъ).

Правительства сближаются лишь подъ давленіемъ желаній ихъ населеній Можно предположить, что идея солидарности перейдетъ съ почвы соціальной на международную (А. Л.-Болье въ отвѣтъ одному члену на его замѣчаніе о томъ, что даже съ прекращеніемъ современнаго вооруженнаго мира потребность въ соединеніяхъ не исчезла бы).

Конечно, существуютъ интересы міровые, но ихъ никакъ нельзя смѣшивать съ интересами собственно-европейскими. А о послѣднихъ только и рѣчь теперь. Если въ концѣ-концовъ человѣчество должно достигнуть единства—возникнетъ и всемирная унія. Но возраженія противъ образованія таковой гораздо сильнѣе возраженій, приводимыхъ противъ союза Европы. Во всякомъ случаѣ, послѣдній надолго останется единственнымъ въ своемъ родѣ и проложитъ путь къ организаціи еще болѣе широкой и отдаленной всего міра. Но уже его созданіе сослужило бы безо всякаго сомнѣнія громаднѣйшую службу дѣлу мира и цивилизаціи не только Европы, но и вселенной (Анат. Леруа-Болье).

VII.

Вопросъ объ устройствѣ Европы несомнѣнно представляетъ глубокій интересъ какъ теоретическій, такъ и практическій. Поэтому неудивительно, что въ наше время онъ все чаще обращаетъ на себя вниманіе интернационалистовъ. Мы ознакомились съ трудами одного изъ послѣднихъ посвященныхъ ему съѣздовъ въ Парижѣ. Любопытно теперь сравнить съ ними мысли нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ знатоковъ международнаго права, высказанныя на эту тему почти одновременно съ парижскимъ съѣздомъ, хотя и независимо отъ него. Остановимся нѣсколько на работѣ *Нуса*, профессора и судьи въ Брюсселѣ *). Онъ особенно составилъ себѣ имя по исторіи международныхъ сношеній въ средніе вѣка. Настоящая его статья главнымъ образомъ историческая и посвящена XIX столѣтію. Авторъ изучаетъ возникновеніе и роль пресловутаго «европейскаго концерта», въ которомъ, до извѣстной степени, можно видѣть проявленіе организаціи Европы, но который ему, какъ бельгійцу, глубоко антипатиченъ. Нисъ отстаиваетъ основныя начала международнаго права· равенство и независимость народовъ, а эти начала, къ сожалѣнію, часто попирались великими державами, которыя, подъ прикрытіемъ «концерта», позволяли себѣ говорить и дѣйствовать отъ имени всей Европы. Въ статьѣ, насъ занимающей, довольно богатый дипломатическій матеріалъ и не мало статистическихъ данныхъ. Въ результатѣ авторъ не противникъ идеи международной организаціи, но на почвѣ указанныхъ основныхъ началъ и подъ условіемъ

*) *Ernest Nys:* „Le concert européen et la notion du droit international“ (*Revue de dr. intern.* 1899; № 3, p. 273—313).

расширенія ея въ «общеніе всѣхъ цивилизованныхъ государствъ». Послѣднее допустимо однако съ оговорками, которыхъ авторъ не дѣлаетъ.

Изучая политическую исторію Европы за послѣднее время съ занимающей насъ точки зрѣнія, мы должны отмѣтить въ ней два любопытныхъ явленія: постепенное уменьшеніе числа независимыхъ государствъ и привлеченіе къ конференціямъ ихъ представителей—участниковъ возрастающаго числа государствъ, по мѣрѣ расширенія предметовъ ихъ занятій отъ политики къ самымъ разнообразнымъ вопросамъ экономическимъ, общественнымъ и другимъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ появляются на европейскихъ собраніяхъ и делегаты отъ странъ другихъ частей свѣта. Вотъ какъ, съ практической стороны и исторически, назрѣваетъ, повидимому, къ лучшему рѣшенію вопросъ о международной организаціи.

Къ концу XVIII в. Германская имперія, при населеніи въ 28—30 милліоновъ, распадалась на 320 территорій, занесенныхъ въ списокъ округовъ, на 360, если считать и членовъ ея, не включенныхъ въ эти списки, на 1,800 или даже 1,900 государствъ или отдѣльныхъ владѣній имперскихъ князей и дворянскихъ родовъ (fiefs de la noblesse d'empire). Въ ней существовало тогда около 12 настоящихъ династій, 20 владѣній свѣтскихъ князей и 12 духовныхъ Германскій союзъ, созданный актомъ вѣнскаго конгресса (8 іюня 1815 г.), состоялъ уже изъ 38 независимыхъ государствъ, а современная Германская имперія (съ 1871 г.) въ составѣ своемъ имѣетъ 25 государствъ и имперскую область Эльзасъ-Лотарингію. Объединеніе Италіи также вызвало уничтоженіе многихъ самостоятельныхъ политическихъ тѣлъ. Но зато, съ другой стороны, на балканскомъ полуостровѣ возникло два самостоятельныхъ государства, отдѣлившихся отъ Турціи, Румынія и Сербія, и одно зависимое княжество, Болгарія, которое тоже превратится, вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ въ страну вполнѣ независимую.

Въ настоящее время, если считать Лихтенштейнъ, Люксембургъ, Монако и Черногорію, Европа заключаетъ въ себѣ 22 независимыхъ государства, причемъ Германія распадается на 22 монархіи и три республики, Швейцарія на 22 (или точнѣе 25) республикъ, Австро-Венгрія на двѣ монархіи и Швеція и Норвегія—также. Множество владѣній и территорій смелъ съ лица Европы Наполеонъ. По словамъ Меттерниха, стремленіемъ его было разбить ее на 20—30 мелкихъ государствъ съ населеніемъ не превышающимъ 3—4 милліоновъ, и образовать изъ нихъ союзъ подъ своимъ верховенствомъ. Въ борьбѣ съ нимъ составился четверной союзъ (тетрархія) изъ Англіи, Россіи, Австріи и Пруссіи, который, съ присоединеніемъ къ нему въ 1818 г. на Аахенскомъ конгрессѣ Франціи, превратился въ пентархію (пятидержавіе) или тотъ концертъ державъ, который присвоилъ себѣ руководящую роль по всѣмъ политическимъ дѣламъ въ Европѣ и даже внѣ ея.

Итакъ, борьба противъ величайшаго узурпатора новыхъ временъ, жажда народовъ къ независимости вызвала къ жизни союзъ четырехъ великихъ

державъ, направленный противъ Франціи. Цѣлью его было дать нашему континенту, потрясенному революціями и войнами, миръ и порядокъ, утвержденные на законѣ и на согласіи правительствъ.

Исходнымъ моментомъ его долженъ быть признанъ трактатъ въ Шомонѣ (1 марта 1814 г.) между названными державами, гдѣ даже встрѣчается въ первой статьѣ его самое слово «концертъ», въ смыслѣ «соглашенія» державъ или соединенныхъ ихъ усилій, направленныхъ на извѣстную общую цѣль *).

Съ этимъ текстомъ любопытно сравнить ст. 7 парижскаго трактата 30 марта 1856 г. говорящую, о допущеніи блистательной Порты въ составъ европейскаго концерта **). Здѣсь концертъ обозначаетъ систему государствъ или, по нашему, международный союзъ.

Одновременно съ шомонскимъ договоромъ представители державъ заявляютъ на конгрессѣ въ Шатильонѣ (засѣдавшемъ съ 4 февраля по 19 марта 1814 г.), что они снабжены полномочіями для веденія переговоровъ о мирѣ съ Франціею не только отъ своихъ дворовъ, но и ото *всей Европы*, составляющей *одно цѣлое*, такъ какъ четыре державы, ихъ пославшія, отвѣчаютъ за присоединеніе къ выработаннымъ ими условіямъ мира ихъ союзниковъ ***).

За договоромъ въ Шомонѣ послѣдовали скоро другія соглашенія, скрѣпившія союзъ державъ (парижскій миръ 30 мая 1814 г., актъ священнаго союза 26 сентября 1815 г., договоръ о союзѣ 20 ноября 1815 г., подписанный въ Парижѣ и т. д.). На Аахенскомъ конгрессѣ (29 сентября—22 ноября 1818 г.), какъ замѣчено, союзники приняли съ свою среду Францію. Въ протоколѣ и декларации конгресса отъ 15 ноября державы объявили міру о своемъ твердомъ намѣреніи не отступать въ своихъ взаимныхъ сношеніяхъ и въ сношеніяхъ съ другими государствами отъ связывающаго ихъ союза (du principe d'union intime) руководиться всегда началами международнаго права ****) и подавать міру примѣры справедливости,

*) Les hautes parties, contractantes s'engagent solennellement l'une envers l'autre... d'employer tous les moyens de leurs Etats respectifs dans un parfait concert afin de se procurer à elles-mêmes et à l'Europe une paix générale, sur la protection de laquelle les droits de la liberté de toutes les nations puissent être établis et assurés.

**) La Sublime Porte est admise aux avantages du droit public et du concert européen.

***) Les plénipotentiaires... déclarent qu'ils ne se présentent pas aux conférences comme uniquement envoyés par les quatre cours de la part desquelles ils sont munis de pleins pouvoirs, mais comme se trouvant chargés de traiter de la paix avec la France *au nom de l'Europe* ne formant qu'un *seul tout*, les quatre puissances répondant de l'accession de leurs alliés aux arrangements dont on sera convenu à l'époque de la paix même.

****) Les souverains, en formant cette union auguste, ont regardé comme sa base fondamentale leur invariable résolution de ne jamais s'écarter, ni entre eux, ni dans leurs relations avec d'autres États, de l'observation la plus stricte des principes du droit des gens, principes qui, dans leur application à un état de paix permanent peuvent seuls garantir efficacement l'indépendance de chaque gouvernement et la stabilité de l'association générale.

согласія, умѣренности, видя въ этомъ свой долгъ передъ Богомъ и передъ народами, которыми они управляютъ. Союзники высказываютъ далѣе намѣреніе созывать конференціи (réunions particulières) между самими государями или ихъ уполномоченными для совмѣстнаго обсужденія о своихъ отдѣльныхъ интересахъ, поскольку послѣдніе будутъ относиться къ предмету ихъ настоящихъ переговоровъ. Въ случаѣ, если бы эти собранія коснулись вопросовъ, связанныхъ съ спеціальными интересами другихъ государствъ Европы, обсужденіе ихъ могло бы имѣть мѣсто лишь на основаніи формальнаго къ тому приглашенія со стороны дворовъ этихъ государствъ и подъ условіемъ признанія за ними права участвовать на нихъ либо лично, либо посредствомъ своихъ уполномоченныхъ *).

Весьма важныя постановленія съ принципіальной стороны, но которыя скоро были нарушены самими же ихъ авторами, тѣмъ болѣе всего подорвавшими свое великое дѣло! Шомонскій договоръ былъ заключенъ державами на 20 лѣтъ, съ оговоркою о возможности, за три года до его истеченія, его продлить. Парижскій миръ 30 мая 1814 г. и заключительный актъ вѣнскаго конгресса скрѣплены подписью восьми державъ **) Къ акту священнаго союза приступили всѣ государи Европы за исключеніемъ папы, Англіи и Турціи. За Аахенскимъ конгрессомъ послѣдовали скоро другіе, главнымъ руководителемъ и вдохновителемъ которыхъ сталъ Меттернихъ.

Такова была первая попытка организаціи Европы: на теократической основѣ, по своему направленію, — аристократическая и реакціонная, въ отличіе отъ монархической и дуалистической, царившей въ средніе вѣка.

Политика, вступившая въ силу съ аахенскаго конгресса, говоритъ Нисъ, не заслуживаетъ одобренія. Мы не говоримъ уже о проявленной ею ненависти ко всякой свободѣ, о маніи къ искорененію духа революціи, о стремленіи управлять людьми посредствомъ полиціи и ея силъ. Но даже въ область науки вторгалась эта политика. Въ сущности ею утверждалось положеніе, будто лицами международнаго права являются не государства, а государи. Это послѣдствіемъ своимъ имѣло вмѣшательства во внутреннія дѣла и провозглашеніе правъ легитимизма. Въ Аахенѣ Россія предложила остальнымъ четыремъ державамъ формально и взаимно гарантировать территоріальныя владѣнія и законность правительствъ Въ протоколѣ, подписанномъ въ Троппау 19 ноября 1820 г , уполномоченные Австріи, Пруссіи и Россіи заявляютъ, что союзники исключаютъ изъ европейскаго кон-

*) Dans le cas où ces réunions auraient pour objet des affaires spécialement liées aux intérêts des autres Etats de l'Europe, elles n'auront lieu qu'à la suite d'une invitation formelle de la part des cours de ces Etats que les dites affaires concerneraient et sous la réserve expresse de leur droit d'y participer directement ou par leurs plénipotentiaires.

**) Четырехъ союзниковъ, Франціи, Швеціи и Португаліи. Испанія присоединилась къ нимъ позднѣе (20 іюля 1814 г. къ первому и 7 мая 1817 г. ко второму).

церта всякое государство, устройство котораго подвергнется измѣненіямъ вслѣдствіе переворотовъ». Основной принципъ нашей политики, писалъ гр. Нессельроде въ 1833 г., состоитъ въ томъ, чтобы употреблять всѣ усилія къ сохраненію власти, гдѣ она существуетъ, къ укрѣпленію ея, гдѣ она слабѣетъ, наконецъ, къ защитѣ ея тамъ, гдѣ она подвергается открытому нападенію. Международное право ограничивалось христіанскимъ міромъ и Россія объявляла исключительно своимъ внутреннимъ, домашнимъ дѣломъ отношеніе ея къ Турціи, Персіи и другимъ своимъ азіатскимъ сосѣдямъ, до которыхъ другимъ державамъ и дѣла не должно быть.

Отъ этой политики, какъ извѣстно, раньше всѣхъ отдѣлилась Англія: она не приняла участія въ троппаускомъ конгрессѣ 1820 г. и осудила теорію интервенцій, провозглашенную въ Лайбахѣ Разбилась и мечта союзниковъ о перенесеніи ихъ воззрѣній въ Америку и противодѣйствіе С.-Штатовъ (теорія Монро въ 1823 г.).

Авторъ останавливается на главныхъ послѣдующихъ дѣйствіяхъ пентархіи. Онъ напоминаетъ о протестѣ короля нидерландовъ Вильгельма противъ лондонской конференціи, засѣдавшей по поводу возстанія Бельгіи Конференція считала себя какъ бы верховнымъ судьей въ этомъ дѣлѣ и, въ нарушеніе приведеннаго аахенскаго протокола, обсуждала его безъ участія нидерландскаго представителя. Въ оправданіе свое она сослалась на то, что этотъ протоколъ не установилъ формы участія третьихъ государствъ въ переговорахъ и для этого достаточно непосредственныхъ письменныхъ отношеній съ уполномоченными нидерландовъ. Столь же безцеремонно обошлись, впрочемъ, и съ Бельгіею. Изъ актовъ конференціи видно, что, подъ прикрытіемъ интересовъ Европы, рѣшающею являлась одна воля пентархіи 15 октября 1831 г. Конференція высказала свои рѣшенія окончательно и безповоротно и заявила, что сама позаботится объ ихъ исполненіи. Сколь ни элементарною и несовершенною представляется эта форма исключительно *политическаго* преобладанія *великихъ* державъ, но всетаки ею знаменуется нѣкоторый прогрессъ сравнительно съ пріемами предшествующихъ завоевателей, хотѣвшихъ отъ своего имени диктовать законъ Европѣ. Теперь выставляются на первый планъ попеченіе объ ея общемъ благѣ и мирѣ, охрана которыхъ признается обязанностью всѣхъ. Та же Лондонская конференція напр. выразила идею, которая должна быть признана основною въ международномъ правѣ. каждый народъ имѣетъ свои права, но и Европа также имѣетъ свое право, данное ей ея общественнымъ строемъ. Тогда же—въ противовѣсъ политическому характеру пентархіи—дипломаты объявили, что въ совѣтахъ ея—рѣшенія принимаются по принципу единогласія, а не большинства голосовъ и что ни одна держава не считаетъ себя связанною рѣшеніями другихъ, если этого требуютъ ея интересы. Въ этомъ смыслѣ высказались лордъ Кэстльри въ 1815 г. и уполномоченный Франціи на конференціи 1858 г. по переустройству дунайскихъ княжествъ.

Особенно любопытно прослѣдить совмѣстную роль державъ въ восточ-

номъ вопросѣ *). Знаменательны слова лондонской конвенціи 13 іюля 1841 г., гдѣ державы заявляютъ о своемъ убѣжденіи, что согласіе между ними представляетъ Европѣ самое надежное ручательство въ сохраненіи общаго мира, составляющаго предметъ ихъ заботъ. Какъ участница въ этомъ договорѣ, Пруссія получила приглашеніе и на парижскій конгрессъ 1856 г.

Къ пяти державамъ впервые приступила шестая, Италія, на лондонской конференціи 1867 г. по вопросу о Люксембургѣ. Державы выразили формальное свое на это согласіе. Въ числѣ ихъ были не только члены пентархіи, но и Нидерланды, отъ которыхъ исходилъ починъ созванія конференціи, и Бельгія. Всѣ они гарантировали нейтралитетъ герцогства, за исключеніемъ Бельгіи, страны самой нейтрализованной.

Со второй половины XIX в. число конференцій чрезвычайно увеличивается, но не всѣ достигали на практикѣ своихъ цѣлей и лишь постепенно расширяется составъ ихъ участниковъ. Напомнимъ хотя нѣкоторые особенно любопытные факты.

Въ 1859 г. Россія предложила созвать конгрессъ для разсмотрѣнія итальянскаго вопроса. На немъ пожелала участвовать Сардинія, какъ сторона, непосредственно заинтересованная. Но русское правительство полагало, что конгрессъ долженъ составиться лишь изъ представителей великихъ державъ, и министръ иностранныхъ дѣлъ Великобританіи, лордъ Мальмсбюри, заявилъ въ палатѣ лордовъ, что таковъ былъ обычай Европы въ теченіе многихъ предшествующихъ лѣтъ, когда дѣло шло объ обсужденіи вопросовъ, касавшихся ея публичнаго права (great public law of Europe). Затѣмъ всѣ великія державы воспротивились желанію Сардиніи, находя весьма неудобнымъ нарушеніе прецедентовъ. Рѣшили по открытіи конгресса послать приглашеніе на него Сардиніи и другимъ итальянскимъ государствамъ, но только для того, чтобы ихъ делегаты изложили на немъ желаніе своихъ правительствъ. Кончилось однако тѣмъ, что конгрессъ не состоялся —Не удался и другой болѣе грандіозный планъ Наполеона III о созывѣ конгресса для пересмотра вѣнскихъ постановленій 1815 г. и замиреніе Европы—наиболѣе любопытная попытка въ этомъ родѣ, предшествовавшая гаагской мирной конференціи 1899 г. Въ рѣчи своей 5 ноября 1863 г. къ законодательному корпусу Наполеонъ ставитъ вопросъ: не наступила ли пора перестроить на новыхъ основаніяхъ политическое зданіе Европы, расшатанное временемъ? «Договоры 1815 г.,—сказалъ онъ,—перестали существовать. Сила вещей ихъ разрушила, или стремится къ ихъ устраненію. Они ниспровергнуты въ Греціи, въ Бельгіи, во Франціи, въ Италіи, равно какъ и на Дунаѣ. Германія волнуется, желая ихъ пересмотра. Англія великодушно измѣнила ихъ уступкою Іоническихъ острововъ, а Россія попираетъ ихъ ногами въ Варшавѣ». Онъ указалъ на то, что пра-

*) Главнѣйшіе, относящіеся сюда акты, собраны Голландомъ. *Holland.* The European Concert in the Eastern Question. 1885.

вительства не перестаютъ вооружаться въ виду ожидаемыхъ кровавыхъ столкновеній. Неужели мы должны продолжать безъ конца расточать наши лучшія силы изъ-за тщеславнаго желанія щеголять нашими вооруженіями? Неужели мы обречены вѣчно пребывать въ такомъ положеніи, которое представляетъ ни миръ съ его безопасностію, ни войну съ ея удачами. Можетъ ли быть что-либо законнѣе и разумнѣе, какъ желаніе пригласить державы Европы на конгрессъ, который бы сумѣлъ устранить ихъ честолюбія и противодѣйствія своимъ верховнымъ рѣшеніемъ (arbitrage suprême)?» Въ то же время были посланы собственноручныя письма императора, помѣченныя 4 ноябремъ, къ 22 государямъ и главамъ государствъ Европы. «Всякій разъ, какъ глубокіе перевороты колебали основы и измѣняли границы государствъ,—читаемъ мы въ нихъ,—происходили торжественные переговоры, которые приводили въ порядокъ новые элементы и освящали, по ихъ пересмотру, совершившіяся измѣненія. Такова была цѣль Вестфальскаго мира въ XVII стол. и вѣнскихъ переговоровъ въ 1815 г. На послѣднихъ покоится донынѣ политическое зданіе Европы, но оно, какъ вамъ извѣстно, разрушается со всѣхъ сторонъ. Я приглашаю васъ на конгрессъ съ цѣлію упорядочить настоящее и обезпечить будущее». Проектъ этотъ вызвалъ возраженіе Англіи, потребовавшей болѣе ясной и точной программы и поясненіе того, будутъ ли освящены перемѣны, совершившіяся послѣ 1815 г.? Объясненія были даны, но лондонскій кабинетъ, «не предусматривая достиженія результатовъ, которыхъ ожидаетъ императоръ», отклонило свое участіе на конгрессѣ, который и не состоялся.

Онъ могъ быть созванъ и безъ Англіи, вообще не любящей совмѣстныхъ дѣйствій съ другими державами. Но причинами его крушенія были: полная неподготовленность умовъ; широта и неопредѣленность программы, недовѣріе къ правительству Наполеона III. То же отчасти повторилось и съ гаагскою конференціею. Но по устраненіи идеи конгресса—наиболѣе подходящей для постепеннаго замиренія Европы—послѣдняя вслѣдъ за этимъ вступила въ новый острый періодъ войнъ и нескончаемыхъ вооруженій.

Въ ноябрѣ 1863 г. засѣдала въ Лондонѣ конференція, разсматривавшая вопросъ объ отказѣ Англіи отъ протектората надъ Іоническими островами и о присоединеніи ихъ къ Греціи. На ней были представители пяти великихъ державъ. Могло возникнуть сомнѣніе насчетъ допущенія на конференцію Франціи, которая не участвовала въ договорѣ 5 ноября 1815 г. установившемъ этотъ протекторатъ. Но ее пригласили, какъ державу покровительницу Греціи. Рѣчь зашла еще о Турціи и объ Италіи, приступившихъ къ договору 1815 г. (Италія замѣнила собственно неапольскаго короля, приступившаго къ этому договору). Державы высказались тогда въ томъ смыслѣ, что государства, только приступившія къ этому договору (les cours purements adherentes), не должны принять участія въ конференціи.

Въ январѣ 1869 г. открылась конференція въ Парижѣ по поводу столкновенія между Греціею и Турціею изъ-за Крита. Турція ходатайствовала, и съ успѣхомъ, о своемъ участіи, какъ державы, подписавшей трактатъ

30 марта 1856 г ; Грецію же допустили только для выслушанія ея объясненій, причемъ заявлено, что она—государство охраняемое и, какъ таковое, косвенно имѣла уже своихъ представителей на конференціи въ лицѣ своихъ протекторовъ—Франціи, Великобританіи и Россіи. Представитель Греціи въ Парижѣ былъ только официозно приглашенъ на конференцію, которая, выслушавъ его протестъ, оставила его безъ послѣдствій. Нечего и говорить, что такое неодинаковое отношеніе къ противникамъ было несправедливо.

До созванія берлинскаго конгресса въ 1878 г. Греція обратилась къ великимъ державамъ съ просьбою о допущеніи ея на конгрессъ, ссылаясь при этомъ главнымъ образомъ на то, что она силою вещей призвана быть представительницею интересовъ греческаго населенія Турціи. Приглашенія однако ей не послали, но на первыхъ же засѣданіяхъ вопросъ объ ея участіи подвергся обсужденію. Рѣшили, что конгрессъ пригласитъ греческое правительство послать своего представителя, который и будетъ давать ему въ отдѣльныхъ случаяхъ разъясненія, но не иначе, какъ по предложенію одной изъ державъ и съ согласія большинства членовъ конгресса. Не было рѣчи о допущеніи Румыніи, Сербіи и Черногоріи, хотя онѣ, въ качествѣ союзницъ Россіи, приняли участіе въ войнѣ *), но ихъ делегаты были выслушаны официозно. Впрочемъ, Румынія и Сербія не были еще тогда государствами независимыми: конгрессъ призналъ ихъ таковыми. Что касается до Черногоріи, то изъ преній выяснилось, что до того времени не только Турція, но и Великобританія не считали ее независимою, между тѣмъ какъ таковою ее признавали либо прямо, либо косвенно, Германія, Италія, Россія и Австро-Венгрія. Въ ст. 26 берлинскаго трактата говорится поэтому, что независимость Черногоріи признается отнынѣ Турціею и тѣми изъ державъ, которыя до того ее таковою не считали **).

Въ 1883 г. державы не допустили Румынію къ участію на лондонской конференціи по вопросу о судоходствѣ и рѣчной полиціи на Дунаѣ. Румынія съ полнымъ правомъ протестовала и не присоединилась къ принятымъ рѣшеніямъ, ссылаясь на аахенскій протоколъ 15 ноября объ участіи заинтересованныхъ государствъ въ собраніяхъ и конференціяхъ.

На брюссельской конференціи 1874 г., состоявшейся по почину Россіи и поставившей себѣ задачею кодификацію законовъ и обычаевъ сухопутной войны, приняли участіе 15 государствъ Европы (въ томъ числѣ Турціи и Греціи, отсутствовали Румынія, Сербія и мелкія земли). С. Штаты не прислали делегата, потому что не получили правильнаго приглашенія, а представители нѣкоторыхъ южно-американскихъ республикъ, хотя и были снабжены полномочіями и находились въ Парижѣ, не были приглашены по постановленію самой конференціи, считавшей себя и безъ того довольно

*) На этомъ основаніи была допущена Сардинія на парижскій конгрессъ въ 1856 году.

**) *Bluntschli*: „Le congrès de Berlin et le droit international. Traduit par E. Nys“. *Revue de droit. intern.* T. XI et XII.

многочисленной для работы подготовительной, которая предстояла, и потому пожелавшей видѣть въ средѣ своей лишь представителей европейскихъ государствъ. Надо сознаться однако, что сущностью дѣла такая узкость не требовалась.

Въ конференціи берлинской 1884—85 гг. о свободѣ судоходства и торговли по Конго и Нигеру приняли участіе 14 государствъ (тѣ же, что въ Брюсселѣ въ 1874 г., отсутствовали Грецiя и Швейцарія; С. Штаты, напротивъ, прислали делегата).

Въ связи съ нею стоитъ брюссельская конференція 1890 г., созванная бельгійскимъ правительствомъ по соглашенію съ англійскимъ, для изученія мѣръ борьбы съ торговлею неграми и охраны туземнаго населенія въ Африкѣ. Генеральный выработанный ею актъ подписанъ представителями 18 правительствъ (тѣхъ же, какъ и въ предшествующемъ случаѣ, но прибавились Люксембургъ и страны внѣ европейскія: Персія, Занзибаръ и Конго).

Самою многочисленною изъ конференцій была мирная, созванная въ Гаагѣ въ 1899 г. стараніями Россіи. На ней засѣдали представители 24 независимыхъ государствъ. Кромѣ тѣхъ, которыя участвовали въ Брюсселѣ, въ 1890 г., находились еще делегаты. Мексики, Китая, Японіи и Сіама. Болгарія была допущена по тому соображенію, что верховенство Турціи надъ нею—чисто-номинальное. Такимъ образомъ по составу своему конференція была уже почти міровою. На нее не были однако приглашены государства южной Америки, буровъ въ южной Африкѣ (Оранжевая республика была тогда еще вполнѣ независима) и папа.

Сообразно съ этой все расширяющейся практикой, Нисъ полагаетъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми интернационалистами (Блюнчли, Кателлани и др.), что право созванія конгресса и участія на немъ должно принадлежать не только государствамъ Европы, но всѣмъ государствамъ вообще, входящимъ въ составъ международнаго общенія, и когда рѣчь заходитъ объ интересахъ послѣдняго, онъ напоминаетъ еще о женевской конвенціи 1864 г. объ охранѣ больныхъ и раненыхъ воиновъ, выработанной въ началѣ представителями 12 европейскихъ государствъ, но постепенно принятой почти всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, о работахъ трехъ конференцій въ Гаагѣ 1893, 1894 и 1900 гг. по кодификаціи международнаго частнаго права, въ которыхъ принимала участіе тоже почти вся Европа: 14 государствъ ея (отсутствовали лишь Великобританія и балканскія государства), о международныхъ уніяхъ, хотя и возникшихъ лишь за послѣднія сорокъ лѣтъ, но, очевидно, стремящихся «связать юридическими узами государства всего свѣта. Онѣ пробуждаютъ въ народахъ и въ правительствахъ бо́льшую общительность, болѣе дѣятельное участіе въ общихъ дѣлахъ, облегчаютъ имъ взаимныя сношенія и придаютъ послѣднимъ характеръ прямо необходимости».

Въ числѣ уній наиболѣе универсальной представляется почтовая: договоръ въ Бернѣ 9 окт. 1874 г., учредившій ее, былъ подписанъ 20 государствами съ населеніемъ въ 350 милліоновъ человѣкъ. 1 іюня 1878 г.

состоялся между ея членами новый договоръ, расширившій еще ея предѣлы и создавшій подъ именемъ «Всеобщаго почтоваго союза» (Union postale universelle) по всей землѣ почти одну почтовую территорію, въ составъ которой входятъ всѣ страны, имѣющія правильно организованную почту съ населеніемъ въ 1 милліардъ и 65 милліоновъ!

Приведенные факты, замѣчаетъ Нисъ, сами собою подсказываютъ выводъ: современная цивилизація вступила на новые, болѣе широкіе, пути и участіе всѣхъ государствъ въ выработкѣ международнаго права отнынѣ представляется уже не отдаленнымъ идеаломъ, а утѣшительною истиною. Но развѣ это не обозначаетъ формальнаго осужденія той узкой и нелогичной системы, которая хотѣла бы возложить лишь на нѣкоторыя державы руководство дѣлами всего европейскаго материка и вооружить ихъ для этого, во имя права и справедливости, непреодолимою силою принужденія? Въ силу основныхъ принциповъ международнаго права, подобное притязаніе не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Дипломатическіе акты, на которые при этомъ ссылаются, произошли не изъ соглашенія всѣхъ членовъ международнаго союза (société des Etats), а по волѣ лишь однѣхъ такъ называемыхъ великихъ державъ,—понятіе, которое справедливо отвергалъ еще Меттернихъ, какъ основанное лишь на числовомъ признакѣ обширности территоріи и величины населенія. Европейскій концертъ пытался не разъ навязывать свои рѣшенія народамъ слабѣйшимъ. Мы уже не говоримъ о политикѣ священнаго союза. Но даже два года тому назадъ была сдѣлана попытка, достойная по своей смѣлости основателей пентархіи. Задумали сломить волю маленькой Греціи и этимъ попрали одно изъ основныхъ началъ международнаго права,—независимость государствъ. Право это погибло бы, если бы утвердились подобныя воззрѣнія и практика. Болѣе нежели другія области права, оно зиждется еще на обычаѣ, и поэтому прецеденты и совершившіеся факты играютъ въ немъ громадную роль, порождая самое право, но зато, съ другой стороны, преобладающее значеніе въ немъ занимаетъ и наука. Наука должна осуждать пріемы, которые пытается ввести иной разъ въ международныя сношенія ловкая политика, и рѣшительно высказываться противъ гегемоніи великихъ державъ, лишенной одинаково разумнаго и историческаго основанія. Европейскій концертъ, въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ правительства великихъ державъ, повторяемъ, долженъ быть осужденъ и отвергнутъ. Онъ—не судъ, онъ также и не власть исполнительная какой-то возникающей международной организаціи. Онъ просто—продуктъ политики, который въ цѣломъ служилъ донынѣ главнымъ образомъ цѣлямъ притѣсненія (instrument d'oppression).

Оставаясь на почвѣ фактовъ, трудно ему противостоять. Великія державы Европы, при населеніи въ 310 милл. человѣкъ, располагаютъ такими военными силами, какихъ не видалъ еще міръ. Малыя ея государства насчитываютъ вмѣстѣ не болѣе 65 милліоновъ, поэтому и соединеніе ихъ въ предполагаемую нѣкоторыми «лигу нейтральныхъ» не имѣло бы серьезнаго значенія. Но два обстоятельства нѣсколько утѣшительны.

Во-первыхъ, въ средѣ самого концерта существуютъ постоянныя зависти, интриги и соперничества, которыя ведутъ къ перемѣщеніямъ политическихъ центровъ, къ новымъ группировкамъ и союзамъ. Во-вторыхъ, на положеніе его призванъ оказать не малое воздѣйствіе новый элементъ. Это вступленіе на политическую арену державъ внѣ европейскихъ. Какъ бы то ни было, но наука должна стоять настражѣ основного начала—юридическаго равенства всѣхъ государствъ и разоблачать вредныя послѣдствія, неизбѣжно связанныя со всякою попыткою создать что-либо похожее на «исполнительный совѣтъ» (direction) надъ народами. Въ этомъ заинтересованы не одни слабѣйшіе только члены международнаго общенія. Въ началѣ европейскій концертъ возникъ именно въ видахъ борьбы съ одною изъ великихъ державъ,—это можетъ повториться и въ будущемъ, и тогда же руководителями его было сказано это страшное по своей краткости и значенію слово, занесенное въ протоколъ шатильонскаго конгресса, что они дѣйствуютъ «отъ имени Европы, составляющей одно цѣлое».

Критика Ниса по существу вѣрная, однако односторонняя. Европейскій концертъ представляетъ изъ себя власть фактическую, политическую, которая дѣйствуетъ случайно, по усмотрѣнію однихъ сильныхъ и присвоила себѣ права, ей, очевидно, не принадлежащія: распоряжаться участью слабѣйшихъ народовъ и національностей не только безъ воли ихъ, но даже вопреки ей, а также задерживать естественный ихъ ростъ въ политическомъ и культурномъ отношеніяхъ. Но все это не подрываетъ вѣрности основного тезиса о необходимости для Европы такой юридической организаціи, которая, покоясь на началахъ международнаго права, обезпечила бы ея народамъ свободу и независимость, но рядомъ придала бы ей тѣ единство и цѣльность, которыхъ напрасно страшится Нисъ и безъ которыхъ немыслимы для нея миръ и активное участіе въ судьбахъ остального міра.

VIII

Сказанное нами объ односторонности воззрѣній Ниса приложимо и къ идеямъ итальянскаго писателя *Кателлани*, профессора въ Падуѣ. Онъ написалъ недавно интересную и оригинальную статью о положеніи международнаго права на рубежѣ XX столѣтія *). Это положеніе онъ сводитъ къ формулѣ: современное международное право стремится къ большему обезпеченію правъ индивида и соціальныхъ функцій государствъ, давая просторъ ихъ отдѣльной дѣятельности, но оно все менѣе и менѣе охраняетъ коллективныя права народовъ и независимость государствъ въ международномъ обществѣ. Другими словами, по мнѣнію автора, въ истекшемъ столѣтіи сдѣлали шаги впередъ международное частное и админи-

*) *E. Catellani*: „Le droit international au commencement du XX siècle“ (*Revue génér. de dr. int. public.* 1901, p. 385—413, 567—586).

стративное право; улучшена техническая сторона нѣкоторыхъ международныхъ институтовъ; положены основанія къ кодификаціи юридическихъ нормъ въ этой области, но собственно публичное международное право пошло скорѣе назадъ, нежели впередъ за послѣднія десятилѣтія. Основныя права государствъ, признаваемыя послѣднимъ, не только не получили еще должной охраны, но они постоянно нарушаются, и все большія опасности грозятъ имъ въ будущемъ. Въ самомъ дѣлѣ, что мы видимъ на практикѣ? Усиленіе имперіализма со стороны нѣкоторыхъ державъ, которыя стремятся взять подъ опеку возможно большее число слабѣйшихъ народовъ и безгранично расширить свои владѣніе и вліяніе. Обостреніе экономической и политической борьбы повсюду. Только признаніе принципа равенства всѣхъ народовъ оградитъ ихъ свободу и независимость на почвѣ ихъ взаимныхъ сношеній. Теорію эту авторъ понимаетъ въ самомъ широкомъ смыслѣ, отвергая различіе между великими державами и малыми, между народами христіанской культуры и иныхъ цивилизацій. Ухудшеніе международнаго права онъ приписываетъ господствующей доктринѣ современной соціологіи и философіи вообще, учащихъ, что въ борьбѣ за существованіе должны устоять только сильные, а слабѣйшіе призваны очистить имъ мѣсто. Авторъ разбираетъ и опровергаетъ теоріи эволюціи, въ духѣ Дарвина и его послѣдователей, папскаго преобладанія надъ государствами и, наконецъ, соціализма. Всѣ онѣ не въ силахъ дать народамъ миръ, съ ихъ торжествомъ измѣнилась бы развѣ форма, а не сущность войны. Одинаково онъ и не вѣритъ въ спасительность общаго и обязательнаго третейскаго суда. При существующихъ порядкахъ это нисколько не устранило бы войны, а стало бы новою западнею для народовъ. Подъ прикрытіемъ якобы законныхъ формъ осталась бы попрежнему неприкосновенною война сильныхъ противъ слабыхъ, болѣе парализованныхъ только въ своемъ противодѣйствіи. Эгоизмъ и преобладаніе сильнѣйшихъ попрежнему будутъ все склонять къ собственнымъ волѣ и интересамъ съ тѣмъ только различіемъ, что они будутъ тогда облечены въ форму юридической функціи и опираться на судебныя рѣшенія.

Безъ установленія надъ государствами для всѣхъ равной и постоянной власти нечего и говорить о настоящемъ международномъ общеніи или союзѣ (d'une véritable communauté entre les Etats). Только это должно быть положено въ основу юридической системы международнаго права. Авторъ повторяетъ тутъ мысли своего соотечественника итальянскаго философа-позитивиста Ардигѝ *) До сихъ же поръ въ обществѣ народовъ руководителями его являются лишь нѣкоторые наиболѣе могущественные его члены, интересы которыхъ часто не совпадаютъ съ пользами всѣхъ остальныхъ и почти всегда стоятъ въ противорѣчіи съ благомъ государствъ слабѣйшихъ или признаваемыхъ за страны низшей культуры.

*) Выраженныя въ его сочиненіяхъ: „La morale dei positivisti“ и „Sociologia“. 1879—86.

Наиболѣе интересными страницами въ этой статьѣ Кателлани являются его критика современныхъ теченій философской мысли, поскольку ими обусловливается, на его взглядъ, ухудшеніе международной практики и публичнаго международнаго права вообще въ наши дни. Вдаваться въ эту сторону его работы мы здѣсь не можемъ. Про остальныя же его разсужденія замѣтимъ, что многое въ нихъ не досказано, или поставлено не въ надлежащемъ свѣтѣ. Международная организація необходима именно болѣе всего въ интересахъ слабыхъ, хотя отъ нея выиграютъ и сильные, но напрасно авторъ представляетъ ее себѣ, съ одной стороны, какъ повтореніе государственнаго устройства съ федеративною властью, поставленною внѣ государствъ и надъ ними, съ другой,—какъ организацію съ самаго уже начала мировую. Ядромъ ея должна явиться и надолго еще оставаться только Европа, что не исключаетъ вовсе примѣненія международнаго права къ отношеніямъ ея къ государствамъ и къ народамъ другихъ материковъ. Но не вдаваясь въ дальнѣйшую критику, мы охотно соглашаемся съ Кателлани въ его заключительномъ выводѣ о томъ, что не вѣря въ радикальное и искусственное измѣненіе международнаго общества, столь дорогое утопистамъ, всю надежду должно возлагать на нравственное усовершенствованіе человѣка и поднятіе вслѣдствіе этого общественной нравственности и права.

IX.

Вопросъ объ устройствѣ Европы не разъ обращалъ на себя вниманіе и извѣстнѣйшаго знатока международнаго права въ Италіи *Фіоре*, профессора въ Неаполѣ, въ теченіе его почти 40-лѣтней дѣятельности. Недавно онъ посвятилъ ему новую работу, прочитавъ о немъ три лекціи въ обществѣ адвокатовъ въ Брюсселѣ *).

Не вдавась въ подробности, Фіоре разсматриваетъ этотъ вопросъ преимущественно съ принципіальной и юридической стороны. Необходимо,—такъ начинаетъ онъ,—дать въ наше время международному обществу болѣе раціональную организацію. Недостатки ея очевидны для всякаго. Каждое государство должно само отстаивать свои права и, въ случаѣ нарушенія ихъ, обращаться къ силѣ, т.-е. войнѣ. Существованіе этой реформы самосуда лучше всего указываетъ на отсутствіе правильной защиты въ международномъ правѣ. Но могла ли она возникнуть, пока объ основномъ его принципѣ, общеніи (communauté juridique) господствовало понятіе смутное и невѣрное. Въ теченіе вѣковъ государства либо принципіальъй изолировались другъ отъ друга, либо считали себя призванными къ покоренію всѣхъ другихъ народовъ, либо возводили религію въ основной законъ своей жизни и думали мечомъ обратить къ ней всѣхъ невѣрныхъ и иновѣрцовъ. Только среди народовъ, связанныхъ извѣстною національ-

*) *Pasquale Fiore*: „L'organisation juridique de la société internationale (*Revue de droit intern.* 1899, p. 105—126; 209—242).

ною и культурною общностью, установлялись нѣкоторыя болѣе правильныя сношенія, но и тѣ носили характеръ частный, мало обезпеченный, плохо организованный (народы древней Греціи, западной Европы въ средніе вѣка). Авторъ бросаетъ бѣглый взглядъ на возникновеніе и ступени развитія международнаго права, а также упоминаетъ о главныхъ его научныхъ дѣятеляхъ, съ любовію выдвигая своихъ соотечественниковъ: Джентили, Макіавелли, Вико и кончаетъ положеніемъ, что лишь во вторую половину XIX вѣка идея о необходимости международной организаціи проникла въ общее сознаніе и составляетъ нынѣ какъ бы душу умственнаго движенія, стремленій палатъ и народныхъ массъ. Ее уже нельзя устранить и она все настойчивѣе представляется даже государственнымъ дѣятелямъ. Отнынѣ, какъ всякой новой, преобразовательной идеѣ, ей суждено расти, шириться до тѣхъ поръ, пока она не заполонитъ большинства людей и не достигнетъ полнаго торжества.

Болѣе всего къ жизни вызвали ее тягости современнаго вооруженнаго мира и всѣмъ извѣстныя послѣдствія милитаризма: вынужденныя, при существующихъ условіяхъ, полагаться только на собственную военную силу, государства доводятъ свои напряженія въ этомъ направленіи до послѣднихъ предѣловъ и всетаки каждое изъ нихъ не считаетъ себя еще достаточно сильнымъ и обезпеченнымъ отъ нападеній другихъ. Бѣшеное соревнованіе въ вооруженіяхъ и перевооруженіяхъ все усиливается, и мы видимъ, что благодаря вооруженному миру весь цивилизованный міръ превратился въ громадную мастерскую оружія всякаго рода. Всѣ стороны и отправленія государственной жизни парализованы требованіями военнаго министерства. Что же ждетъ насъ въ концѣ этого пути? Полное разореніе, т.-е. банкротство всей нашей цивилизаціи и при этомъ одинаково вслѣдствіе ли войны, или безъ нея.

Авторъ съ уваженіемъ отзывается о Гаагской конференціи, иниціаторъ которой имѣлъ мужество прямо взглянуть въ глаза надвигающейся бѣдѣ и предложить обсужденіе средствъ къ ихъ возможному предупрежденію. Созывомъ этой конференціи,—говоритъ онъ,—правительства признали то, что давно ясно для совѣсти народовъ, а именно: пора политикѣ уступить первенство праву; не слѣдуетъ правительствамъ разсчитывать только на военныя силы для проведенія своихъ замысловъ, но они должны болѣе всего руководиться справедливостью.

Но нельзя отъ конференціи ожидать соглашенія насчетъ разоруженія, общаго или частнаго *). Для достиженія такой цѣли нужно предварительное разрѣшеніе тѣхъ многочисленныхъ и трудныхъ вопросовъ, которые, касаясь важнѣйшихъ политическихъ интересовъ народовъ, дѣлаютъ необходимыми эти вооруженія.

Совершеніе такой работы не подъ силу дипломатіи: она требуетъ дружнаго соединенія умственныхъ силъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ. Два

*) Авторъ писалъ свою статью во время засѣданій мирной конференціи.

фактора мощно работаютъ въ видахъ установленія мира и лучшей организаціи совмѣстной жизни народовъ: это, во-первыхъ, торговля, соединяющая ихъ все болѣе тѣсною и крѣпкою сѣтью; во-вторыхъ, наука, которая болѣе всего содѣйствовала разрушенію старыхъ порядковъ и предразсудковъ и возведенію на ихъ развалинахъ новаго зданія.

Ошибаются тѣ реформаторы, которые всю надежду свою полагаютъ на введеніе общаго и обязательнаго третейскаго суда. Таковый не устранитъ войны и не дастъ еще возможности приступить къ столь необходимому, однако, уменьшенію вооруженій. Съ юридической стороны занимающая насъ проблема болѣе сложна и широка. она сводится къ признанію, прежде всего, общаго права, которое должно управлять обществомъ цивилизованныхъ народовъ, къ охранѣ этого права и къ установленію дѣйствительныхъ способовъ для рѣшенія могущихъ возникнуть между народами споровъ и столкновеній. Кое что въ указанныхъ направленіяхъ сдѣлано, но это только первые, робкіе шаги къ лучшему.

Старое понятіе о политическомъ равновѣсіи должно быть замѣнено новымъ, о равновѣсіи юридическомъ, состоящемъ въ законѣ точнаго соотношенія между членами даннаго общества, т.-е. и для членовъ международнаго союза должно быть съ точностью указано, что каждый можетъ дѣлать, и чего онъ не долженъ дѣлать. Путь, въ этомъ отношеніи пройденный государственнымъ строемъ, долженъ повториться и для международнаго. Послѣдній является только довершеніемъ того политическаго порядка, который, благодаря французской революціи, утверждался на принципахъ политической свободы и юридическаго равенства Перенесеніе ихъ и на международную почву требуетъ прежде всего Фіоре. Въ донынѣ поддерживаемомъ абсолютизмѣ государства онъ видитъ главное препятствіе къ введенію правильной международной организаціи. Въ международномъ обществѣ,—говоритъ онъ,—царятъ доселѣ безпорядокъ, произволъ, сила, потому что тутъ рѣчь идетъ только о правахъ государствъ, какъ будто это общество составляется изъ однихъ государствъ и ихъ правительствъ, такъ что, за исключеніемъ ихъ, никто будто не можетъ обладать международными правами. Вслѣдствіе этого государству приписали всемогущество, политикѣ отвели первенство надъ правомъ, эгоистичные и временные интересы правительствъ поставлены выше общихъ потребностей всѣхъ остальныхъ членовъ международнаго общества, и въ результатѣ получилось господство надъ міромъ произвола, опирающагося на военную силу. Нужно поэтому найти новую силу, способную противодѣйствовать этому всесилію политики и произвола, а для этого опредѣлить и оградить международныя права всѣхъ тѣхъ, кому они принадлежатъ, т.-е. нужно расширить область дѣйствія великихъ идей свободы и юридическаго равенства, признавъ ихъ не только правами территоріальными, но и международными.

Въ связи съ этими субъектами (лицами) международнаго права авторъ считаетъ государство, народъ, національность, церковь, человѣка и раз-

личные союзы (collectivités). Короче субъектомъ этого права должно быть признано всякое физическое, или юридическое лицо, обладающее въ силу присущаго ему права (jure suo) индивидуальностью и проявляющее свою дѣятельность во всѣхъ частяхъ свѣта. Авторъ входитъ въ интересныя и подробныя поясненія своего тезиса, ошибка котораго, на нашъ взглядъ, состоитъ лишь въ томъ, что онъ приравниваетъ къ государству-субъекту международнаго права по господствующему ученію другія лица, вышеназванныя, которыя должно считать лицами, охраняемыми международнымъ правомъ, т.-е. индивидуальность которыхъ признается и охраняется повсюду независимо отъ права территоріальнаго (государственнаго). Эта сторона ученія Фіоре оригинальна и вѣрна.

Первая основная задача всякаго общежитія, а слѣдовательно, и международнаго—выработка закона его существованія и опредѣленіе способовъ примиренія и охраны этого закона. Такой законъ не долженъ быть составленъ въ исключительныхъ интересахъ государствъ или правительствъ, онъ долженъ предметомъ своимъ имѣть охрану также интересовъ народовъ, національностей, различныхъ союзовъ, словомъ, всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя входятъ въ составъ международнаго союза (société internationale). Законъ этотъ долженъ соотвѣтствовать идеямъ и потребностямъ данныхъ времени и среды, и, поэтому, не претендуя на совершенство и неизмѣняемость, проникаться, однако, болѣе всего принципами естественной справедливости. Выработка его—дѣло международнаго конгресса, составленнаго изъ представителей всѣхъ тѣхъ, которые фактически находятся во взаимныхъ сношеніяхъ и желаютъ превратить ихъ въ отношенія юридическія путемъ общаго закона. По мысли Фіоре конгрессъ не есть органъ постоянный, а созываемый и вновь составляемый всякій разъ, когда историческія условія международной жизни потребуютъ изданія для нея новыхъ нормъ или же видоизмѣненія существующихъ. Этотъ пунктъ о конгрессѣ, не постоянномъ, а лишь періодически созываемомъ, наиболѣе слабый въ ученіи Фіоре. Онъ выводитъ его изъ того соображенія, что всѣ человѣческія законы должны подчиняться поступательному ходу эволюціи, а съ этимъ несовмѣстима-де какая-либо постоянная власть. Однако, такая власть существуетъ въ государственномъ строѣ, гдѣ законы тоже подлежатъ эволюціи; постоянные органы (правообразующіе) существуютъ и въ другихъ многочисленныхъ союзахъ. Нѣтъ основанія исключать ихъ для общества народовъ: постоянство интересовъ, которымъ призванъ служить конгрессъ, требуетъ устойчивости въ его организаціи и дѣятельности, но это не значитъ, чтобъ онъ засѣдалъ непрерывно. Собираться онъ долженъ въ законномъ установленные сроки и имѣть твердо опредѣленный составъ. Относительно послѣдняго вопроса Фіоре правъ, когда заявляетъ, что членами конгресса должны быть не только уполномоченные отъ государствъ (въ одинаковомъ числѣ отъ всѣхъ, наприм., по двое, безъ различія большихъ государствъ отъ малыхъ), но и представители, избранные непосредственно ихъ населеніями. Это внесло бы весьма существенную поправку къ су-

ществующей практикѣ конгрессовъ (донынѣ органовъ случайныхъ, неорганизованныхъ, исключительно правительственныхъ).

Если бы,—продолжаетъ авторъ,—великія державы имѣли въ конгрессѣ большее число представителей, или же послѣдніе располагали бы большимъ числомъ голосовъ, сравнительно съ остальными, это повело бы къ преобладанію этихъ державъ и означало бы, хотя косвенно, что сила можетъ служить основаніемъ для превосходства юридическаго. Относительно избранія депутатовъ отъ населенія, это должно происходить на основаніи спеціальныхъ законовъ государствъ и отлично отъ существующихъ въ нихъ политическихъ выборовъ. Важно, чтобы выборы, о которыхъ мы говоримъ, ограничивались просвѣщенными классами. Авторъ противъ того, чтобъ они производились палатами, такъ какъ большинство послѣднихъ раздѣляютъ политику своихъ правительствъ и поэтому лица, ими избранныя только усилили бы въ конгрессѣ элементъ правительственный. Мы находимъ, однако, болѣе цѣлесообразнымъ, чтобы система выборовъ депутатовъ въ конгрессъ, какъ и самое его устройство, покоилась на общихъ началахъ, а не на различіяхъ національныхъ законодательствъ.

Тутъ Фіоре заявляетъ, что теперь онъ отказывается отъ мысли, высказанной многими и имъ самимъ въ 1865 г о конфедераціи государствъ съ цѣлью охраны между ними порядка и устраненія войны. Но какъ и при этомъ обезпечить во всѣхъ случаяхъ торжество справедливости? Послѣдняя часто не тамъ, гдѣ господствуютъ интересы политическіе. Въ чистой своей формѣ она находится въ совѣсти народа и въ безличной области общественнаго мнѣнія. Какъ установить прочно юридическое равновѣсіе между интересами великихъ державъ и остальныхъ лицъ, также снабженныхъ международными правами? Вотъ почему необходимо содѣйствіе всѣхъ заинтересованныхъ въ международной организаціи: она не должна допускать превосходства великихъ державъ надъ малыми,—она не можетъ быть дѣломъ однихъ правительствъ; всѣ въ ней заинтересованные призваны къ совмѣстной выработкѣ для нея общаго закона.

Реформа, такъ понимаемая, не требуетъ ломки всего существующаго международнаго строя, а лишь нѣкоторыхъ его улучшеній. Уже доброе начало къ этому положено важнымъ прецедентомъ въ Гаагѣ. Сюда были приглашены представители всѣхъ государствъ, большихъ и малыхъ, и этимъ признано, что международный союзъ есть общество между равными и собраніе, призванное выработать для него руководящія начала, не должно состоять только изъ представителей великихъ державъ. Чего недостаетъ такому собранію, чтобы приблизиться окончательно къ предложенному нами образцу? Народнаго представительства. Допущеніе его—дѣло времени. Быть можетъ, уже существующая междупарламентская унія могла бы его добиться.

Отмѣтимъ здѣсь, что Фіоре представляетъ себѣ, повидимому, международную организацію, какъ и Кателлани, въ формѣ универсальной, т.-е. обнимающей не только государства Европы, а всего свѣта. Это еще надолго неосуществимо. Другая крайность—тоже подрывающая въ корнѣ

занимающую насъ реформу—лежитъ въ ограниченіи организаціи Европы только центральными ея государствами *). Это выдвинуло бы диктатуру сильнѣйшаго между ними члена и усилило бы, съ другой стороны, вражду между этою федераціею и остальными частями Европы, не вошедшими въ ея составъ.

Конгрессъ,—продолжаетъ авторъ,—долженъ въ дѣлѣ кодификаціи международнаго права держаться большой осторожности и постепенности: формулировать лишь тѣ начала права, относительно которыхъ уже сложилось или не трудно достичь общее согласіе. Но затѣмъ важно, чтобы принятыя начала были поставлены подъ совмѣстную охрану (гарантію) высказавшихъ ихъ государствъ. Это переводитъ насъ къ способамъ принужденія для ихъ защиты, безъ обращенія однако къ войнѣ.

Авторъ высказывается противъ учрежденія постояннаго международнаго суда и находитъ третейскій судъ недостаточнымъ. Онъ рекомендуетъ, какъ второй органъ, конференцію съ властью отчасти исполнительною и отчасти судебною. Она, какъ и конгрессъ, учрежденіе не постоянное, а составляемое по мѣрѣ необходимости. По своей роли она напоминала бы третейскій судъ, но высшаго порядка. Задачею ея было бы поддержаніе международной организаціи, введенной конгрессомъ, примѣненіе международныхъ законовъ и предупрежденіе всякихъ возможныхъ нарушеній общаго мира. Въ послѣднемъ отношеніи она рѣшаетъ тѣ самые трудные вопросы, которые, не поддаваясь, по своему политическому характеру, третейскому разбирательству, болѣе всего, однако, затрогиваютъ жизненные интересы народовъ и чаще всего угрожаютъ общему миру. Конференція не упраздняетъ третейскую юрисдикцію, остающуюся для случаевъ менѣе важныхъ, но она дѣлаетъ мирное рѣшеніе споровъ для сторонъ обязательнымъ въ томъ отношеніи, что либо, смотря по характеру ихъ несогласій, отсылаетъ ихъ къ третейскому суду, либо сама рѣшаетъ ихъ по принципамъ, освященнымъ конгрессомъ. Она же разсматриваетъ случаи объ оспариваемости и недѣйствительности состоявшихся третейскихъ рѣшеній и, въ случаѣ неповиновенія осужденной стороны, заботится о принудительномъ исполненіи какъ этихъ, такъ и собственныхъ своихъ рѣшеній

Конференція составляется изъ двухъ делегатовъ отъ каждой изъ великихъ державъ и изъ представителей спорящихъ или заинтересованныхъ

*) Недавно Сарторіусъ фонъ-Вальтерсгаузенъ, проф. въ Страсбургѣ помѣстилъ въ *Zeitschrift fur Socialwissenschaft* статью, въ которой говоритъ о неизбѣжномъ образованіи въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ Соединенныхъ Штатовъ Средней Европы. Сюда войдутъ, по мысли автора, Германія, Австро-Венгрія, Голландія, Бельгія и Швейцарія. Германія, точнѣе Пруссія, взяла бы тогда всю политическую и военную власть въ свои руки. Это было бы не ослабленіе, а усиленіе зла милитаризма. Вызванная конкуренціею сѣверо-американской республики, эта федерація отъ экономической почвы постепенно перейдетъ-де на политическую черезъ шесть послѣдовательныхъ ступеней, начиная съ торговыхъ договоровъ и кончая такою сплоченною формою союзнаго государства, въ которой членамъ ея будетъ оставлена уже не политическая, а лишь мѣстная административная самостоятельность.

въ дѣлѣ сторонъ. Въ составъ ея входятъ также представители отъ народа, избранные членами конгресса соотвѣтствующей делегаціи.

Эту часть проекта Фіоре мы находимъ наиболѣе слабою: нельзя въ принципѣ возлагать на одинъ и тотъ же органъ функціи столь разнородныя, какъ дѣла исполнительныя и судебныя. Болѣе важные споры вѣдать призванъ постоянный международный судъ или, въ примирительной формѣ посредничества, конгрессъ. Весьма нецѣлесообразна мысль о случайности созывовъ конференціи, о допущеніи въ ея среду делегатовъ отъ великихъ только державъ, а не отъ всѣхъ

Фіоре не устраняетъ далѣе примирительную роль дипломатіи. Добрыя услуги, посредство должны будутъ и впредь оказывать свое благотворное воздѣйствіе, но онъ признаетъ за конференціею право возлагать на то или другое государство обязанности посредника. Въ наше время каждый споръ затрогиваетъ такъ или иначе интересы всѣхъ прочихъ государствъ и они не по долгу только человѣколюбія, но ради собственнаго блага, должны спѣшить объ его своевременномъ и мирномъ устраненіи. Важнымъ средствомъ для пресѣченія и предупрежденія международныхъ распрей является публичное обсужденіе ихъ предметовъ. Таинственная сила общественнаго мнѣнія растетъ въ той степени, въ какой телеграфъ доноситъ нынѣ до насъ съ быстротою молніи событія, совершающіяся на всѣхъ пунктахъ земного шара. Чѣмъ болѣе будетъ крѣпнуть въ средѣ цивилизованныхъ народовъ чувство ихъ взаимной солидарности, тѣмъ они глубже проникнутся сознаніемъ необходимости давать все болѣе рѣшительный перевѣсъ принципамъ права надъ политикою. Общественное мнѣніе станетъ лучше освѣдомленнымъ по мѣрѣ того, какъ народное представительство достигнетъ бо́льшаго участія въ правительствѣ и въ руководствѣ внѣшнею политикою. Внутри государства оно можетъ находиться подъ вліяніемъ и быть вводимо въ заблужденіе со стороны происковъ политиковъ, но общественное мнѣніе міра всегда безпристрастно, ибо оно безлично и незаинтересовано. Поэтому оно и призвано оказывать все бо́льшее нравственное давленіе на дипломатію. Разъ обсужденіе споровъ перейдетъ на открытую общественную арену, трудно допустить, чтобы политика продолжала по-старому попирать право, а правительства безнаказанно нарушать общій миръ.

На основаніи этихъ разсужденій, Фіоре приходитъ къ выводу, чтобы конгрессъ провозгласилъ общимъ правиломъ, что спорящія государства обязаны, въ случаѣ неудавшагося мирнаго рѣшенія ихъ несогласія дипломатіею или чрезъ посредничество, обращаться къ остальнымъ государствамъ съ подробными и мотивированными изложеніями своихъ жалобъ и требованій, которыя, преданныя гласности, дали бы возможность общественному мнѣнію міра высказать о нихъ свое вѣское и справедливое слово. Если и послѣ этого неправая сторона упорствуетъ на своемъ, — конференція опредѣляетъ, подлежитъ ли дѣло третейскому суду, который она тогда объявляетъ обязательнымъ, или вѣдѣнію ея самой. Въ спорахъ сложныхъ и угрожающихъ общему миру конференція назначаетъ тѣ принудительныя

мѣры, которыя она считаетъ необходимыми для поддержанія авторитета права, управляющаго отношеніями народовъ. Допуская коллективную гарантію международнаго права союзными государствами, Фіоре требуетъ, въ исключительныхъ случаяхъ, и коллективнаго ихъ вмѣшательства, направленнаго къ его поддержанію и охранѣ. Онъ считаетъ дозволенными всякія мѣры понуканія и принужденія, которыя допускаются состояніемъ мира и не представляются переходомъ къ войнѣ. Сюда онъ относитъ, наприм., торговую или мирную блокаду, но безъ тѣхъ чертъ, которыя характеризуютъ блокаду военную. Эти мѣры—ихъ природу и объемъ приложенія—опредѣляетъ конгрессъ, компетентный во всемъ, что касается до общихъ интересовъ.

Развитіе международной торговли и успѣхи цивилизаціи создадутъ между народами все болѣе многочисленныя и крѣпкія общія идеи, стремленія и интересы. На мѣсто конфедераціи государствъ станетъ современемъ конфедерація цивилизованныхъ народовъ. Они тогда проникнутся убѣжденіемъ, что война для нихъ всѣхъ величайшее изъ бѣдствій; своимъ единеніемъ они побудятъ правительства отказаться отъ призраковъ военной славы и признать самую войну наиболѣе тяжкимъ изъ преступленій.

Такова система Фіоре: многое въ ней недосказано и особенно туманно изложенъ пунктъ о международномъ принужденіи, но самая проблема поставлена и намѣчена съ юридической стороны вполнѣ вѣрно. Въ традиціонномъ абсолютизмѣ государства — этомъ наслѣдіи прежнихъ вѣковъ — главное практическое препятствіе къ ея осуществленію. Покоиться международная организація должна на началахъ политической свободы, юридическаго равенства, независимости и солидарности народовъ, но для этого быть выраженіемъ не однѣхъ ихъ правительственныхъ формъ, а тѣхъ разнообразныхъ и живыхъ лицъ, изъ которыхъ все опредѣленнѣе слагается современное международное общество, какъ одно великое культурное цѣлое. По мѣрѣ успѣховъ этой реформы возможны сокращенія войны и тягостей милитаризма. Но не правъ Фіоре и тѣ изъ писателей, которые полагаютъ возможнымъ начать дѣло прямо съ организаціи мира, хотя бы и цивилизованнаго. Это явится завершеніемъ эволюціи, исходнымъ пунктомъ которой должна быть международная организація Европы *).

*) Поскольку необходимость въ международной организаціи сильна въ наши дни видно иногда изъ отзывовъ ея противниковъ. Проф. Казанскій, наприм., начавъ съ ея осужденія, потому что она въ проектахъ писателей является-де только повтореніемъ государственнаго строя, кончаетъ, однако, признаніемъ возможности ея естественнаго осуществленія. Онъ высказывается за періодичность созванія конгрессовъ, преобразованныхъ на основаніи общаго договора всѣхъ государствъ, въ ихъ компетенціи и дѣятельности; за постепенную кодификацію разныхъ частей права народовъ; за желательность политическихъ союзовъ между государствами одного образованія (?), преимущественно одной народности (отчего такая узкость), а также всеобщихъ договоровъ и союзовъ въ области административныхъ потребностей,—и кончаетъ словами: „система этихъ союзовъ могла бы современемъ образовать стройную всемірную организацію“. Но критика его курьезна: защитники таковой организаціи будто бы

X.

Подведемъ итоги нашему очерку. Разобранныхъ нами писателей уже достаточно для того, чтобы показать намъ, какъ подъ напоромъ жизненныхъ потребностей вопросъ о международной организаціи серьезно обсуждается повсюду: во Франціи, въ Италіи, въ Германіи. Спорятъ о времени и степени осуществленія этой задачи, но не о самомъ ея принципѣ и желательности его признанія. Спеціально для Европы такая организація представляется неотразимою необходимостью. Только подъ условіемъ ея введенія она сможетъ справиться съ угрожающею ей въ будущемъ и столь быстро растущею экономическою конкуренціею бѣлой расы въ остальныхъ частяхъ свѣта (С Штатовъ Америки, Австраліи, южной Африки и т. д.), съ опасностями экономическими и политическими, грозящими ей отъ желтой расы, наконецъ, съ удручающими ее и тоже страшно усиливающимися внутренними своими недугами (соціальный вопросъ, милитаризмъ и пр.). Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе Европа становится мала и тѣсна для ея жителей. Избытки ея населеній и капиталовъ ищутъ себѣ уже давно новыхъ мѣстъ и рынковъ. Но для этого и чтобы не бояться мировой конкуренціи ея правителямъ и народамъ нужно не втягивать въ свои счеты и распри народы другихъ культуръ и расъ — Турцію, Персію, Китай, Японію и, подъ видомъ ихъ просвѣщенія, содѣйствовать ихъ военному могуществу, а чрезъ это въ сущности давать имъ оружіе противъ себя же самихъ, но они должны, болѣе и прежде всего для сохраненія величайшихъ, ввѣренныхъ имъ благъ христіанской культуры, положить конецъ своимъ домашнимъ несогласіямъ, и въ разумной, и для всѣхъ справедливой организаціи соединить свои силы для того, чтобы этимъ путемъ (и только этимъ) обезпечить себѣ какъ внутренній миръ и свободу, такъ и то положеніе въ мірѣ, на которое они имѣютъ право по своей образованности, талантамъ, энергіи, богатству и въ виду блага всего остального человѣчества, которое они тѣмъ скорѣе и полнѣе пріобщатъ къ своей высшей культурѣ, чѣмъ успѣшнѣе будутъ служить ей сами чрезъ укрѣпленіе такой организаціи, которая способна дать людямъ миръ, основанный на справедливости.

БИБЛІОТЕКА

предлагаютъ: парламентъ народовъ, всевѣдущій относительно всего, происходящаго на землѣ, исполнительныя мѣста, управляющія всѣмъ отъ сѣвернаго полюса до южнаго,—и затѣмъ восклицаетъ: задачи эти превысили бы ихъ силы. (Учебникъ международнаго права 1902 г., стр. 528—530).